

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ СЛАВЫ

Юлия Латынина

Кавказский цикл

Юлия Латынина

Не время для славы

«ЭКСМО»

2009

Латынина Ю. Л.

Не время для славы / Ю. Л. Латынина — «Эксмо»,
2009 — (Кавказский цикл)

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ЛАТЫНИНОЙ ЮЛИЕЙ ЛЕОНИДОВНОЙ,
СОДЕРЖАЩИЙСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ С 09.09.2022.
Джамалудин Кемиров правит республикой железной рукой. Его портреты
– на майках его охранников и на стенах построенных им школ. Его слово
значит больше, чем законы России. Он может все: возвысить и уничтожить,
помиловать и стереть в пыль. Он не может только одного: умерить аппетиты
тех, кто готов объявить его мятежником и террористом, если он не поделится
половиной гигантского газового проекта, осуществляемого в республике
западной компанией с новейшими технологиями.

© Латынина Ю. Л., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	28
Глава третья	50
Глава четвертая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Юлия Латынина

Не время для славы

Суд истории, единственный для государей, кроме суда небесного, не извиняет и самого счастливого злодейства, ибо от человека зависит только дело, а следствие – от бога.

Н.М. Карамзин. «История государства российского»

Мальчишка умирал.

«Хаттабка», которой он хотел подорваться, взорвалась в его правой руке, оторвав кисть и половину итанов. Он лежал на свежем снегу перевала, навзничь, как опрокинувшаяся на спину черепаха, и время от времени шевелил куском руки. Сначала все думали, что у него есть еще, но он все не взрывался и не взрывался, а только перекатывался и дергал обрывком руки. Клочки мяса болтались на его окровавленной ступне, из клочков торчала белая снежная кость.

Ему крикнули, чтобы он сдавался, и он закричал «сдаюсь». Бойцы не хотели подходить, думали, что он взорвется, но он кое-как отпихнул от себя автомат, и было ясно, что второй «хаттабки» у него нет. К нему подошли, сначала один боец, потом второй, а потом третий наклонился над ним и стал снимать его на мобильный.

Потом подошел еще один, казавшийся очень высоким из-за худобы. Длинные сильные его ноги были затянуты в высокие черные берцы со шнуровкой, и из-за этих высоких ботинок и куртки, увешанной карманчиками с оружием, силуэт его напоминал цаплю. У того, кто подошел, было смуглое неправильное лицо с перебитым носом и черные, с багровой подсветкой, глаза.

Он присел на корточки над обрывками человека и что-то спросил.

Раненый засмеялся. Командир в черных берцах приставил к его голове пистолет и повторил вопрос. Раненый подобрал с земли свой палец, протянул его командиру и сказал:

– Видишь мой палец? Он уже в раю.

Командир не стал нажимать на курок, потому что смысла не было. Раненый умирал. Лицо его было чистым, почти детским, борода у него еще не отросла, и на этом по-девичьи гладком лице застыло выражение дикого, неопишемого блаженства.

Он умер минуты через две. Ногти его левой, целой руки от боли впились глубоко в землю, но на лице было все то же счастливое выражение человека, душа которого улетает зеленой птицей в рай.

Похожий на цаплю встал, отшвырнул носком ботинка искромсанный палец и сказал:

– И помер-то как собака. Пощады просил. Вот еще загоним Булавди, и тишь да благодать будет по всем моим горам.

Часть первая ИНВЕСТОР

Движущей пружиной современной трагедии является политика.
Наполеон

Глава первая Возвращение

Конференц-зал располагался на тридцатом этаже голубовато-дымчатого многогранника, и из его панорамных окон открывался великолепный вид на стальные скалы Сити и черную Темзу, перечеркнутую штрих-кодом мостов и снующими под ними коробочками машин.

Был уже октябрь, но снега еще нигде не было: над серыми сухими тротуарами возносилось выцветшее небо. Кирилл никогда не понимал, почему англичане ругают свою погоду. В Москве четыре часа назад шел косой мокрый снег, тут же превращавшийся на бетоне в кашу цвета прелой селедки. Кирилл промочил ноги по щиколотку ровно за те два шага, которые он сделал от двери корпоративного «мерседеса» до трапа корпоративного «челленджера».

Потом, в самолете, стали пить водку, и так как самолет был не его, Кириллу пришлось выпить полстакана. Он не знал, что придется ехать сразу в Сити и надеялся, что водка будет не очень заметна. Он чувствовал себя не очень удобно из-за водки, неприятно обсохших носков и тяжелого зимнего пальто: он скинул его в приемной после возвращения из Москвы, как десантник – бронежилет после завершившейся операции.

Две последние сделки, которые он закрыл, были одна в Болгарии, а другая в Польше. Кирилл был рад, что работа требует все меньше присутствия в Москве. Последнее время ему казалось, что даже когда в Москве лето, в ней все равно зима.

Уже взявшись за ручку двери, Кирилл оглянулся. У человека, глядевшего на него из длинного, до пола, зеркала, было холодное усталое лицо, и высокий лоб, собравшийся в складки над голубовато-зелеными, как горное озеро, глазами. Короткие, редкие на лбу волосы были тщательно зачесаны назад, открывая непропорционально большую голову, сидящую на худощавом теле с маленькими изящными руками и крепкими запястьями. Из-за поврежденного позвоночника, удерживаемого только специальными упражнениями и кольцами накаченных мускулов, Кирилл стоял чересчур прямо, и темно-бордовый, в тон костюму галстук удобно свернулся под накрахмаленным воротничком чуть розовой рубашки.

Женщины одеваются дорого, чтобы быть заметными. Партнеры «Бергстром и Бергстром» одеваются дорого, чтобы быть незаметными.

Человек, отражавшийся в зеркале, был корректен и незаметен, и Кирилл не любил оставаться с ним наедине.

Кирилл отвернулся, толкнул дверь и вошел.

Первое, что бросилось Кириллу в глаза, был красивый глянцевый снимок газодобывающей платформы, – с буровой вышкой, серебряными ягодами сепараторов и выдвинутой вперед, как у авианосца, железной челюстью вертолетной площадки. Платформа была огромна – сто пятнадцать метров в длину, шестьдесят пять в ширину, – это Кирилл вспомнил совершенно точно, потому что, присмотревшись, Кирилл ее узнал.

Эту платформу начали строить в Норвегии, а потом по частям перетаскивали по Волге в Каспий, где компания «Навалис» провела для Ирана разведочное бурение и открыла богатое шельфовое месторождение. Только сама платформа должна была обойтись «Навалис» в два

миллиарда долларов, – ибо была больше, чем любая ядерная подводная лодка, и куда сложнее по устройству, – но собственно платформа составляла меньше десятой части стоимости проекта.

Остальной проект висел тут же – рисунки гигантских реакторов, обвитых, как новый Лаокоон, серебряными змеями труб, и нарисованная от руки схема. Схема изобиловала словами более или менее понятными широкой публике, вроде «полипропилен», «фосген», «бензол», «капрон», и словами совершенно для непосвященных загадочными, – «изоцианаты», «ММА», «ГДМА», «НАК», «АБС-пластики», и пр. от слов друг к другу шли стрелочки и квадратики, и все они перепутывались между собой, сплетались и расплетались снова, и выходили в конечном итоге из двух больших квадратов, на одном из которых было написано «метанол», а на другом – «аммиак», а эти два больших квадрата, в свою очередь, вытекали из огромного квадрата с двумя буквами «ПГ», или – природный газ.

Это была схема берегового химзавода.

Первая очередь завода – мощности по производству метанола – занимала пятьдесят гектаров, стоила два с половиной миллиарда долларов, строилась год, и должна была окупиться за три года. Вторая очередь, предусматривавшая производство полипропилена и полиэтилена уже из метанола, занимала двадцать гектаров, стоила семьсот миллионов долларов, строилась полгода, а окупалась уже за восемь месяцев. Третья очередь давала еще большее разнообразие продуктов: бензол, фосген, азотную кислоту, толуол; окупались они уже за три-четыре месяца.

Всего завод занимал двести гектаров, и устроен был так, что с каждым новым уровнем передела доля стоимости исходного сырья в конечном продукте падала, а окупаемость росла. Первый уровень окупался за три года. Производство изоцианатов из фосгена, – цепочка пятого уровня передела, – окупалось за два месяца, ибо производило безумно дорогой продукт, используя уже имеющуюся инфраструктуру: хранилища, коммуникации, подъездные пути, продуктопроводы.

Проект рухнул, когда против Ирана ввели санкции. «Навалис», и без того ведшая довольно рискованную, по мнению Кирилла, политику экспансии в Юго-Восточной Азии и Восточной Европе, была вынуждена выбирать: либо Иран, либо весь остальной земной шар, и, разумеется, выбрала последнее.

Завод остался в чертежах. Недостроенная платформа болталась на мелководье в Баку, и «Навалис» вела переговоры о продаже ее туркменам, которые хотели построить в море кое-что посовременней «табуреток»; договариваться с туркменами было даже сложнее, чем с казахами, и так это дело и зависло.

И вот теперь президент «Навалис», сэр Мартин Метьюз, сидел в Bergstrom & Bergstrom, и рядом с ним сидел химик по фамилии Баллантайн, которого Кирилл помнил по словацкой сделке, и еще пара человек, которых Кирилл не знал. А в центре картины сидел японец, возглавлявший в «Бергстром и Бергстром» *emerging markets*, и президент компании, Рональдо Мартинес.

– А, вот и он! – радушно сказал Рональдо, вставая с кресла при виде вошедшего. – Господа, позвольте вам представить – Кирилл Водров, руководитель нашего подразделения в Восточной Европе.

Но сэр Мартин уже тряс Кириллу руку. От него пахло дорогим одеколоном, удачей и закрытыми клубами. Он был жесток и богат.

– Hello, Cyril, – сказал Баллантайн.

Человека рядом с Баллантайном звали Петер Штрассмайер. Оказалось, что он недавно перешел к сэру Метьюзу из *Texasco*.

– Спасибо, что вы так быстро приехали, – сказал сэр Метьюз, – дело вот в чем, Кирилл, – скажите, какого вы мнения о российской республике Северная Авария-Дарго и ее новом президенте? Заур Керимов, я правильно произношу фамилию?

Свет, казалось, мигнул и поблек, и конференц-зал покачнулся под Кириллом. В позвоночнике тревожно заныло, и когда Кирилл сделал шаг вперед, его хромота была чуть более заметна, чем обычно.

– Все республики Северного Кавказа, – услышал Кирилл свой собственный голос, – несут серьезные инвестиционные риски. В них не вкладывают деньги не только русские, но и местные уроженцы, проживающие в Москве. Впрочем, Заур Кемиров сумел стабилизировать ситуацию и добиться впечатляющих результатов.

Позвоночник пронзило раскаленной иглой. Газовые плафоны сияли, как алюминиевая пудра во взрывающемся «Шмеле». Интересно, сколько человек видело взрыв «Шмеля» вблизи и осталось в живых?

– Президент Кемиров, – сказал сэр Метьюз, – продает промышленную лицензию на разработку прикаспийского шельфа в районах Чираг-Геран и Андах. Глубина дна в этом районе – девять метров, а по объему природного газа месторождения втрое превосходят свои азербайджанские аналоги. Мы возвращаемся к нашему иранскому проекту, но на Северном Каспии, и хотим, чтобы «Бергстром» был нашим консультантом. Говорят, у вас, Кирилл, прекрасные отношения с президентом Кемировым?

«Улыбайся, – подумал Кирилл, – черт побери, только не переставай улыбаться, как будто у тебя все в порядке, и ты только что выиграл партию в гольф, и твоя единственная проблема – это непорядки в двигателе твоей новой стометровой яхты».

– Мы знакомы, – сказал Кирилл, – я э... э... не уверен.

Сэр Метьюз расхохотался и дружески хлопнул Кирилла по плечу.

– Не скромничайте, мой друг, – сказал он, – я говорил с президентом Кемировым. В Лос-Анджелесе. И когда я сказал, что словацкую сделку консультировал «Бергстром», он сам назвал ваше имя. Он ждет вашего приезда.

Кирилл молчал.

– Строительство подобного мегакомплекса на Северном Кавказе влечет за собой определенный риск, – повторил Кирилл.

Сэр Метьюз пожал плечами. От него веяло успехом – успехом у банков, правительств и женщин.

– Я видел президента Кемирова, – сказал сэр Метьюз. – Он хочет вытащить свою республику из средневековья. Это прекрасный человек, и я всю жизнь инвестировал в прекрасных людей. Это самое доходное вложение.

Этот прекрасный человек лично застрелил вице-премьера России. А когда я последний раз видел его брата, его брат шел по ковру из трупов и приставлял пистолет ко лбам мертвых людей. «У него же дыра поперек лба», – сказал ему полковник Аргунов, а брат ответил: «Если у него дыра поперек, прострели его вдоль».

«Плюньте на Северную Аварию и валите из России, пока не вляпались, – хотелось сказать Кириллу, – Кавказ хорош только на фотографиях».

Но он уже понимал, что ничего подобного не скажет.

Прикаспийский проект принесет «Бергстром и Бергстром» несколько десятков миллионов. И сэр Мартин явственно давал понять, что в этой сделке его интересует не «Бергстром». Его интересует Кирилл Водров, личный друг президента Заура Кемирова. Если Кирилл проведет эту сделку через все ущелья и пропасти Кавказских гор – перед ним открываются безграничные возможности. Если Кирилл откажется от сделки, его вышвырнут вон. И хуже того – пойдут слухи.

Кириллу совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь в Сити вдруг заинтересовался подлинными обстоятельствами, при которых Кирилл Водров, директор восточноевропейского филиала «Бергстром и Бергстром», преуспевающий менеджер, бывший спецпредставитель

России в ООН, член совета директоров болгарской TeleEast, член наблюдательного совета словацкой GasIP, кавалер Ордена Мужества – получил этот самый орден и пулю в позвоночник.

– Ты вылетаешь завтра, – сообщил Рон.

– Конечно, – улыбнулся как можно шире Кирилл.

* * *

Платформа, на которую они прилетели, была куда меньше бакинской. «Аварнефтегаз» взял ее в аренду, и сейчас она бурила скважину на мелководье в семидесяти километрах от Торби-калы.

Это была маленькая разведочная платформа, когда-то купленная в Японии, настоящий крошечный сад камней, в котором, как на ладони, уместилось все – огромная буровая вышка со сверкающей желтой креветкой топ-драйва, жилой блок, вертолетная площадка, затянутая мелкой сеткой, и три семидесятиметровых громадных ноги, которые платформа во время буксировки загоняла наверх, в красные решетчатые фермы, а придя на место, она становилась на ноги, и вонзала свой тонкий хобот в пласты песчаника и базальта, – маленький красный москит на огромном боку Земли, со стальным жалом, едва царапающим кожу литосферы, уползающим на глубину в четыре километра в огромный кружащийся вокруг солнца шар, содержимого которого не знал никто.

Небольшой французский вертолет опустился на покрытую сеткой площадку, и Кирилл увидел, что возле площадки дожидается целая шеренга затянутых в камуфляж бойцов. Они стояли, как на фотографии, крепкие, смуглые, черноволосые, упершись в выбеленные кости бетона высокими шнурованными ботинками, и в небо – тонкими минаретами стволов. Широкие пояса топорщились от черных плашек обойм, и морское солнце ослепительно горело на подвешенных рядом с кобурами стальных кольцах наручников.

Лопасты еще крутились, перемалывая воздух, Кирилл повернул круглую защелку, выпуская притягивавшие его к спинке ремни, а к вертолету уже спешили двое.

Первым шел белокурый красавец лет тридцати. У него была танцующая походка мастера боевых искусств и выправка штандартенфюрера СС; за плечом его висел автомат, вскипая на солнце белым металлом в подствольнике, и его голубые стеклянистые глаза были как линзы оптического прицела. Даже среди исландских льдов этот белокурый атлант казался бы ожившим персонажем Старшей Эдды – здесь, на Кавказе, среди смуглых и черноволосых людей, он казался инеистым великаном, очнувшимся не в то время и не в том месте.

В белокуром викинге было метр девяносто пять, но его спутник возвышался над ним на голову. Кулаки его торчали из рукавов камуфляжа, как два арбуза, черная курчавая борода обрамляла оливково-смуглое лицо. Правое ухо было раскатано в плоский с клубочками блин, и, начиная от уха, на лоб наползал изогнутый длинный шрам, заштопанный необычайно небрежно, – словно дурная хозяйка замечивала дырку в носке нитками другого цвета. На поясе чернобородого ифрита теснилась всякая утварь для убийства, и за плечом его тоже висел автомат, но выглядел он при этом совершенно игрушечным. Казалось, что при надобности эта ожившая иллюстрация из «Тысячи и одной ночи» может перекусить ствол одними зубами, и Кирилл знал, что это впечатление недалеко от истины.

– Oh shit, – сказал сбоку Баллантайн, – are these guys here to meet the copter or to hijack it? ¹

В эту секунду белокурый Терминатор отомкнул дверь вертолета, Кирилл спрыгнул вниз и очутился в его стальных объятиях.

– Салам, Кирилл!

¹ Эти парни хотят встречать вертолет или угонять его? (англ.).

На Кирилла пахнуло порохом, кровью и дорогим одеколоном. Они уже бежали вниз по лесенке, прочь от сверкающих лопастей.

– Салам, Кирилл! – вскричал чернобородый, и макушка Кирилла ткнулась ифриту куда-то под мышку.

Двое сотрудников «Навалис» с изумлением наблюдали, как худощавый русский консультант обнимается с двумя увешанными оружием туземцами.

Белокурая бестия из «Песни о Нибелунгах» помог Кириллу снять спасательный жилет, повернулся к иностранцам, улыбнулся во все шестьдесят четыре белых волчьих зуба и представился на языке оригинала:

– Hagen. Ich bin der Vorgesetzte des Antiterror Zentrum. Und Tashov ist der Chef von OMON².

– Заур Ахмедович в Чираге, – сказал Ташов, – очень извиняется, что он не полетел с вами. Он примет вас вечером.

Рядом с вооруженной охраной стояли буровики в синих спецовках и пожилой аварец в хорошо пошитом костюме, с животом, несколько нависающим над ногами, как вторые этажи в средневековых городах нависают над улицей, и с властным, довольным жизнью лицом, разлинованным сеточкой морщин. Лицо было смутно знакомо, и Кирилл судорожно перебирал картотеку памяти.

– Магомед-Расул Кемиров, – сказал Хаген, – глава компании «Аварнефтегаз», академик, член Российской академии естественных наук и Академии Общественной безопасности и правопорядка. Брат Заура Ахмедовича.

– Кирилл, дорогой, – сказал Магомед-Расул, распахивая руки так широко, словно нес в них воздушный шар, – куда же ты делся, а? Совсем забыл старых друзей. Брат тебя вспоминал каждый день. Говорил: вы мне, бестолочи, не нужны! Мне такой человек, как Водров, нужен! Слышь, Кирилл, ты чего там потерял в своей Америке? Америка гнивает! Этот век будет век России! Слышь, Кирилл, бросай свой уолл-стрит! Иди к нам министром финансов!

Магомед-Расул повернулся и проворно побежал с площадки, большой, черный, лоснящийся, похожий на раскормленного породистого бульдога. Иностранцы спешили за ним. Похоже, они были рады появлению Магомед-Расула. Вряд ли новому вице-президенту «Навалис» и руководителю департамента газопереработки улыбалась мысль вести переговоры с главой ОМОНа и начальником Антитеррористического Центра.

– Эй, Кирилл, – кричал Магомед-Расул, – ты это видел? Это твоя сраная Америка в жизни не видела! Мы две скважины пробурили, и Аллах нам помог! Мы такой газ получили, это лучший на свете газ! Это наш, настоящий, кавказский газ!

Красная решетчатая вышка уходила из воды в небо, как космическая ракета на стартовом столе. С высоты переходов было видно, как помбур замыкает огромные желтые челюсти на уходящей вниз буровой колонне; в подсвечнике за пальцем стояли уже собранные свечи, и когда они спустились вниз, Кирилл увидел исподнюю часть буровой: толстую обсадную трубу, уходящую в малахитовую воду Каспия, и высоко над ней насаженные, как бараньи туши на вертел, похожие на гигантскую кувалду четыре превентора, готовые в любую минуту схлопнуть свои железные челюсти и перекусить трубу, – в случае, если дерзкий комар, решивший укусить земные недра, потерял контроль над тем, что творится внизу, – над миллионами тонн породы с аномально высоким или, наоборот, аномально низким давлением пласта, с газовыми карманами и соляными куполами, с пластами воды, нефти, или сероводорода, и бог знает еще чего, что скрывается под ленивой малахитовой водой и тонкой коркой земли.

Магомед-Расул был прав: они действительно нашли газ с первого раза, и Аллах тут помог или нет, а только его брат потратил двадцать миллионов долларов на разведку.

² Хаген. Я – начальник Антитеррористического центра. А Ташов возглавляет у нас ОМОН. (нем.).

– Эх, какой газ! – закричал Магомед-Расул, – газ и нефть! Нефть и газ! Ты знаешь, какая у нас будет платформа? Тридцать три скважины будет платформа! Двадцать шесть добывающих, одна контрольная, одна для закачки раствора, одна... э-э... ты знаешь, как бурят горизонтальную скважину? У нас все скважины будут горизонтальные! Новейшие технологии! Россия встает с колен!

– А где Джамал? – спросил вполголоса Кирилл, наклонившись к Хагену.

– Он в горах, – ответил Хаген. – Пост.

– Вы знаете, – стесняясь, сказал Штрассмайер, – у нас на аэродроме не проверили паспорта. Я имею в виду, нам надо поставить отметку о въезде в Россию.

– Какая отметка? – возмутился Магомед-Расул, – здесь не Россия. Здесь Авария.

* * *

Кирилл ожидал, что со скважины они полетят в родовые места Кемировых, глубоко в горы, в Бештойский район, – но оказалось, что у президента новая резиденция.

Вертолет развернулся над берегом, описывая широкий полукруг, и Кирилл увидел издали белые дома, прижатые к бирюзовому морю рыжими нагими горами. Скалы были как атакующий фронт, спешащий сбросить в море докучные человеческие личинки. Между облупившихся хрущевок вставляли свежие дорогие многоэтажки и купола новеньких мечетей, вдоль берега, как выдавленная из тюбика паста, от Кюхты до Шамхальска расстилалась тонкая линия дорогих особняков.

В Бештое родовое гнездо Кемировых сидело на самой верхушке горы, словно средневековый замок, господствующий над местностью. Здесь, в Торби-кале, все было по-другому.

Резиденция лежала словно на доньшке чаши, скалы взбегали к небу слева и справа, и когда Кирилл вылез из вертолета, он увидел на боку скалы, обращенном к Мекке, выложенное белым имя Аллаха. Оно нависало над морем и миром, как знаменитая надпись над Голливудом.

Сама резиденция была еще не достроена. Перед двухэтажным длинным особняком рабочие расстилали рулоны травы, и тут же по рулонам гулял упитанный взрослый гепард. Левая половина особняка была еще в лесах; рабочих было много, а вооруженных людей еще больше. Они слонялись по дорожкам, с тем особенно гордым видом, который горцу придает оружие, и многие подошли к Кириллу поздороваться и обняться.

Солнце валилось куда-то вниз, за белое имя Аллаха, мулла уже пел азан, и двое в камуфляже волокли на летнюю кухню упирающегося черного барашка. Павлин с длинным, похожим на ручку от сковородки хвостом, бродил вокруг «порше кайенна», и за ним ходил мальчик лет девяти, целясь в павлина из черного тяжелого «стечкина».

Сам «порше» представлял собой любопытное зрелище. Двигатель его был вывернут наружу, как желудок морской звезды. Стекла осыпались; из дверей автоматные очереди сделали дуршлаг. Штрассмайер увидел машину, остановился как вкопанный и сказал:

– Боже мой. Что это?

– Козел навстречу выскочил, – объяснил Хаген.

– Как козел? Это козел?

Палец Штрассмайера ткнул в развороченный двигатель.

– Нет, – сказал Хаген, – это «Муха». У нас за селом плотина, а потом вверх идет серпантин. Вот я выезжаю к плотине, и – тут на дорогу выскакивает козел. Я – по тормозам. А в этот момент с серпантина стреляют. И граната, вместо того, чтобы влететь в салон, влетает в двигатель.

Штрассмайер вытаращил глаза.

– Вы были в этой машине? Но она же вся изрешечена!

– Так что? – пожал плечами Хаген, – мы же выскочили. Эти палят, и мы палим.

Покачал головой и сокрушенно добавил:

– Удобное место этот серпантин, слов нет. Уже второй раз меня там расстреливают. И сотовый там не берет.

Мальчик со «стечкиным» подошел к иностранцам, наставил на Кирилла ствол и сказал:

– Бах! Отдавай твой пистолет.

– У меня нет пистолета, – ответил Кирилл.

– Тогда отдавай деньги.

Кирилл расхохотался, а Хаген присел перед мальчиком, потрепал его по голове и произнес наставительно:

– Это друг. У друзей нельзя просить. Им надо давать.

В это мгновение на поясе Хагена ожила рация, выплюнув в эфир короткую веревочку гортанных звуков. Вооруженные люди, кучками стоявшие на газоне, засуетились и пришли в движение, словно электроны, бесцельно бродившие в куске металла, и вдруг попавшие под напряжение; через несколько мгновений они уже стояли ровным строем у ворот, те распахнулись, и внутрь влетела кавалькада из «мерседесов» и «лексусов», вперемешку с раскрашенными «десятками» ГИБДД.

Из второй по счету машины выбрался невысокий полноватый человек в хорошо пошитом синем костюме и с желтым, как дыня, лицом, изрезанным сеточкой морщин.

Президент Северной Аварии сильно постарел. Лысина взползла со лба на макушку, выела остатки некогда темных, густых волос, оставив над ушами две поседевшие пряди; плита лица растрескалась и пошла морщинами, но движения Заура были по-прежнему ловки и уверенны, и черные зрачки, как грачи, довольно и весело прыгали меж набрякших жилок сетчатки.

При виде гостей Заур улыбнулся, непритворно и весело, и в следующую секунду Кирилл почувствовал себя в его твердых объятьях.

– Салам!

– Ваалейкум ассалам, Заур Ахмедович, – ответил Кирилл.

* * *

Ужин начался в половине восьмого, когда зашло солнце и президент вернулся с вечерней молитвы. Стол был уставлен ароматной бараниной и восхитительными курзе. Из завитков влажной, сочной зелени выглядывали алые крутые бока помидоров. Мужчины ели аккуратно и быстро, запивая куски мяса желтоватым лимонадом с наклейкой «фирма „Кемир“». Чувствовалось, что за день они проголодались.

– Прошу прощения, что не полетел с вами, – сказал Заур Кемиров, – у нас несчастье, в Чирагском районе взорвался дом. Семь трупов, пятнадцать раненых.

– Теракт? – встревожено спросил Штрассмайер.

– Нет, газ.

Заур Кемиров помолчал и добавил:

– Чираг – лакский район. Полтора года назад так взорвался дом в Бештое, и я сразу прилетел. Бештой – мой родной район. Если бы я не приехал в Чираг, все бы обратили на это внимание.

– У вас так хорошо помнят, что было с каким-то домом полтора года назад?

– О, – сказал Заур Кемиров, – на Кавказе помнят все.

Тут вниманием гостей завладел Магомед-Расул, который недавно побывал с делегацией во Всемирном Банке и теперь горел желанием поучить иностранцев правильной денежной политике; Заур, спешно отозванный помощником, извинился и вышел. В проем раскрытой двери Кирилл заметил целую делегацию стариков в барашковых шапках, которая видимо требовала внимания. Ташов вышел к старикам, спустя десять минут он вернулся и поманил с

собой Хагена. Во дворе приезжали и отъезжали машины. Хаген исчез. Та-шов пришел второй раз и поманил Кирилла.

– Заур Ахмедович хочет поговорить отдельно, – сказал Та-шов.

Заур ждал его в собственном кабинете с огромным столом красного дерева и плоским компьютерным экраном, утвержденным посередине стола на золотых львиных лапках. Компьютер был из Тайваня, а коврик для мышки – из Саудовской Аравии. Это была крошечная копия молитвенного коврика, с вышитой золотым на черном Каабой. На экране мерцала вязь из реакторов и ректификационных колонн.

Президент республики, затянутый все в тот же синий костюм, стоял у окна, и за окном в свете восходящего над горами месяца тонко серебрилась колючая проволока, проходящая по гребню высокой стены, а над колючей проволокой горело имя Аллаха. Оказывается, оно было сделано из светоотражающего материала, как разметка хайвея.

– Спасибо, что приехал, – сказал Заур.

– Я рад. Жаль, что Джамал...

Заур нетерпеливо взмахнул рукой.

– Послушай, Кирилл, – сказал Заур, – лицензия на добычу в Чираг-Геране принадлежала покойнику Гамзату. Теперь она принадлежит мне. Признаться, я рассчитывал, что мы найдем нефть, но так уж вышло, что мы нашли газ. Нефть продать легко, а для газа у нас в России есть один покупатель, и он не очень-то хочет пускать мой газ в трубу, а я не хочу его ему продавать. Поэтому мне нравится предложение «Навалис». Оно нравится мне потому, что вместо дешевого газа, который к тому же не пускают в трубу, я буду торговать дорогим товаром, который я могу везти куда хочу. Я не собираюсь строить завод. Я хочу построить республику.

Компьютер светился, как имя Аллаха за бронированным окном, и Кирилл вдруг вспомнил, что Заур по образованию – инженер-нефтяник.

– Это даст работу тем людям, – продолжал Заур, – которые стоят там с автоматом во дворе, потому что им нечего взять в руки, кроме автомата. Это переменит ситуацию в республике, потому что до тех пор, пока здесь не будет работы, люди все равно будут делиться на тех, кто ворует бюджет, и тех, кто бежит по лесам с автоматом и ворует тех, кто ворует бюджет. Из-за этого мегакомплекса я готов продать «Навалис» контрольный пакет за восемьсот миллионов; это меньше, чем предлагает «Тексако», но «Тексако» хочет только газ, она не хочет переработки. Я вложил в это дело пятьдесят миллионов, и вложу еще сто пятьдесят. Личных. За это я хочу тридцать процентов акций. Ты должен вести сделку. Ты должен гарантировать мне, что вы соберете деньги. И, конечно, ты должен объяснить сэру Метьюзу, что это все очень серьезно, и что если мы делаем совместное предприятие, он должен построить весь завод. До шестого уровня переработки. Такого не должно быть, что он получит шельф и вдруг скажет: «А мне нужен только газ». Тогда ему лучше сказать это прямо сейчас, потому что такая вещь мне не понравится. Совсем не понравится. Ты объясни ему, что значит «совсем».

Кирилл помолчал.

– Заур Ахмедович, – сказал он, – вы хотите вложить двести миллионов долларов и получить за это тридцать процентов проекта с потенциальной капитализацией под двадцать миллиардов.

– Будем реалистами, – ответил Кемиров.

Кирилл не нашелся, что возразить. Половина президентов республик, у которых во дворе вооруженные автоматчики жарят барана, попросила бы половину акций от двадцати миллиардов, причем не вложив ни копейки. Другая половина продала бы весь газ республики за пару миллионов долларов, но зато переведенных сразу на личный счет.

– Объясни ему, что если он хочет получить газ, он должен построить завод, – мягко повторил Заур, – а то очень многие обещают висячие сады, а когда они получают газ, как-

то все кончается добычей сырья, и они пытаются извиниться десяткой на оффшорном счету. Объясни ему, что мне не нужна десятка. Она у меня и без него есть.

Заур повернулся и пошел вниз, в гостиную.

Гостей стало еще больше: Кирилл не знал почти никого, кроме Гаджимурада Чарахова. Гаджимурад был сын покойного друга Заура, начальника Бештойского РУВД Шапи Чарахова. Как оказалось, сейчас он был мэром Торби-калы. Это был высокий, крепкий мужчина лет двадцати семи, бывший призер чемпионата Европы по вольной борьбе; короткая его стрижка не скрывала сломанных ушей, на боку висел «стечкин». Рядом с ним сидел министр финансов по прозвищу Фальшивый Аббас (он был золотой души человек, а прозывался так потому, что когда-то печатал фальшивые деньги), и сорокалетний русский с приятным плоским лицом и улыбающимися глазами. В гостиной был включен телевизор, и по нему показывали разрушенный взрывом дом.

Баллантайн и Штрассмайер слушали с напряженным вниманием. Гаджимурад, как мог, комментировал, и Штрассмайер был видимо впечатлен тем, что президент республики лично раздал семьям погибших свои собственные деньги.

– Но ведь это довольно большая сумма, – сказал Штрассмайер, – если я правильно посчитал, вы раздали сегодня больше двухсот тысяч долларов. Почему об этом не упоминают в новостях?

– Важно не то, что рассказывают в новостях, – ответил Заур, – важно то, что рассказывают сыновьям. Через сто лет.

– А вы думаете, через сто лет ваш народ будет помнить, раздавали вы или нет свои личные деньги?

– На Кавказе помнят все, – жестко повторил Заур. Властное, в желтой сеточке морщин лицо его усмехнулось, и он сказал:

– Вот я вам расскажу историю. В одном селе была свадьба, и на свадьбу эту, как полагається, пригласили имама. И так как на свадьбе ели горох, то этот имам скушал гороха чуть больше, чем надо. И вот, когда настала пора поздравлять молодых, он встал и почувствовал, что у него тяжело в животе. Он поднатужился, чтобы выпустить воздух, и... ну, словом получилось побольше, чем он рассчитывал. Бедный имам был ужасно смущен. Он бросил и стол, и свадьбу, прыгнул на коня и уехал из села прочь. Он был в таком ужасе, что не появлялся в селе тридцать лет. Но он все-таки очень любил свое село, и вот, когда он был уже глубоким стариком, и ему казалось, что никто его не узнает, он приехал в село, и увидел маленького мальчика, который спешил с букварем в школу. «Эй, мальчик, как тебя зовут и сколько тебе лет?» – спросил имам. «Я не знаю точно, сколько мне лет, – ответил мальчик, – но я родился через двадцать два года, пять месяцев и шесть дней после того, как на свадьбе обделался имам».

Штрассмайер расхохотался.

– Давайте попросим Аллаха о том, чтобы никого из нас не помнили в горах за то же, за что помнили этого имама, – сказал, приветливо улыбаясь, Заур.

Все снова заулыбались, а полный русский захлопал в ладоши.

– А это кто? – тихо спросил Кирилл, наклонясь к Ташову.

Полный русский услышал вопрос и протянул через угол стола руку.

– Михаил Викентьевич Шершунов, – сказал он, – я руковожу УФСБ республики. Террористов ловим. И их пособников.

И, широко улыбнувшись, подмигнул Кириллу, сразу сделавшись похож на удивительно симпатичного плюшевого мишку.

Кирилл вышел из главного дома за полночь. Волны шуршали, как серебряная фольга, ночь пахла морем и горными пряными звездами, и где-то далеко-далеко, за семьдесят километров отсюда, в море на трех ногах стоял красный москит, таранящий жалом в морское дно.

Чья-то тень шевельнулась рядом, и Кирилл, обернувшись, увидел давешнего пацаненка. Его черные глазенки блестели, как у гепарда, и весь он был ладный, гибкий, – настоящий маленький мужчина в серых штанишках и камуфляжной курточке.

– На, – сказал мальчик, и доверчиво протянул ему на ладошках «стечкин».

Кирилл взял пистолет и только тут понял, что он заряжен.

– Ты откуда взял обойму? – похолодев, спросил Кирилл.

Маленький горец засмеялся.

– Оружие – это не игрушка, – сказал Кирилл.

– Я уже взрослый в игрушки играть, – гордо ответил мальчик.

* * *

Когда гостей уложили спать, а Михаил Викентьевич Шершунов отбыл из резиденции, обговорив с Зауром кое-какие дела, Заур и Гаджимурад спустились в гостиную.

Там, возле бильярдного стола, стоял Хаген, и загонял шары в лузы с безошибочным прицелом опытного стрелка.

– Что делать с Наби? – сказал мэр Торби-калы, – он так и не написал заявление.

Лицо Заура Кемирова, президента республики Северная Авария-Дарго, на мгновение сделалось отсутствующим.

– Я предлагал Наби компромисс, – сказал Заур, – он отказался от компромисса. Каждый человек в республике должен знать, что бывает с теми, кто отказывается от компромисса.

Хаген кивнул. Кий в его руках ударил по шару с сухим треском капсюля, бьющего по бойку, обреченный шар покатился по ворсу и канул в лузу.

* * *

Горный воздух и долгие перелеты сыграли дурную шутку с Кириллом: он проснулся в одиннадцать утра. Сон был глубокий, как смерть, и Кирилл лежал несколько секунд в залитой светом спальне с лепным потолком и душистым бельем, мучительно вспоминая, в каком конце мира он находится, и «Мариотт» это или «Хайятт».

Потом за окном раздался пронзительный крик петуха, и сразу задребезжало, заурчало, лягнуло, – было такое впечатление, что ворочается бульдозер (потом Кирилл увидел, что это был БТР). Кирилл сразу вспомнил, где он, и долго лежал, разглядывая клочок синего-синего неба в прорези тяжелых бархатных портьер.

По крайней мере, здесь было тепло.

Бронированных «мерсов» во дворе не было. Возле ворот охранники дразнили гепарда. В главном доме полные женщины в длинных юбках и тщательно увязанных на голове платках напоили его чаем, и зашедший в кухню Хаген сообщил, что иностранцы с утра полетели с Магомед-Расулом на буровую.

– А какой телефон у Джамала? – спросил Кирилл.

Голова, несмотря на морской воздух, была как чугунная.

– Он в горах. Там связи нет, – объяснил Хаген.

– А поехать к нему можно? – спросил Кирилл.

– Поехали.

* * *

За полтора года Торби-кала сильно изменилась. Некогда объездная дорога вокруг города была из одних ям да рытвин. Теперь она превратилась в здоровенную четырехполосную магистраль; по обе стороны ее деловито зарождались заправки и магазинчики.

В пригородном селе, через которое они поехали, Кирилл увидел новую школу, новую поликлинику, и новый спортзал рядом с новым домом культуры. На зданиях висели портреты Заура и реклама зубной пасты.

– А на какие деньги все это построено? – удивился Кирилл.

– На бюджетные, – ответил глава АТЦ.

– А что, раньше деньги не выделялись?

– Выделялись. В декабре.

– В каком смысле в декабре?

– Вон видел поликлинику? Ну вот представь себе, что у тебя по федеральной программе есть сорок миллионов рублей на ее строительство. И эти сорок миллионов приходят в республику двадцать седьмого декабря, а к тридцать первому их надо или освоить, или вернуть. Ну кто их освоит? За пять дней? Ты берешь эти деньги и едешь в Москву, и двадцать отдаешь там, а двадцать берешь себе.

Кирилл даже несколько удивился познаниям Хагена в части финансовых отношений центра и регионов. Он всегда полагал, что Ариец учился арифметике, считая пули в рожке, и дальше цифры тридцать учеба не задавалась.

– А теперь когда выделяют? – спросил Кирилл.

– Тоже в декабре.

– А как же...

– Заур Ахмедович создал Фонд имени Амирхана Кемирова, и все работы делает Фонд. Он с нами рассчитывается векселями, а в декабре Фонд получит деньги и погасит векселя.

– А подрядчики хотят строить без денег? – спросил задумчиво Кирилл.

Хаген хлопнул по рыжей кобуре, из которой торчала потертая рукоять с витым, словно телефонным, шнуром, и лаконично ответил:

– Хотят.

– А если деньги не придут?

– Придут.

Тут Кирилл не удержался, еще раз посмотрел на рукоять торчащего «стечкина» и спросил:

– Слушай, а чего ты его на шнурке носишь?

– Так прыгучий, гад, – ответил Хаген, – вон у меня зам в прошлом месяце свой в сортире утопил. Потом сам за ним нырял. Я что, в сортир нырять буду?

За городом дорога свернула влево, нырнула в короткий тоннель и помчалась по рыжему ребру ущелья. Новенькие светоотражающие покрытия вспыхивали в лучах солнца, как выстрелы.

За туннелем началось огромное село, карабкающееся по первым изгибам гор, и капустные поля вокруг. В капустном селе тоже шла предвыборная кампания, но портретов Заура здесь не было. Вместо них на новом здании школы висели плакаты Союза Правых Сил. Кирилл и не предполагал, что партия правых либералов будет пользоваться таким спросом в горных аулах.

Затем пропал и СПС.

Далеко над заснеженными перевалами таял бледный полумесяц, и тень машины внизу по горам летела, как тень самолета: начальник Антитеррористического Центра республики Север-

ная Авария-Дарго Хаген Хазенштайн единственным знаком дорожного препинания, достойным уважения, считал вооруженный блокпост.

Они остановились часа через полтора пути, у крошечного придорожного кафе, нависающего над ущельем с перекинутым через него мостом. Воды внизу не было: вместо нее были белые круглые камни, разлившиеся почти на полкилометра вширь. Это было как рентгеновский снимок реки.

Возле кафе висел огромный портрет Джамалудина, такой же, как на черных футболках сопровождавших их бойцов, а когда они зашли, обнаружилось, что в кафе уже есть посетитель: пожилой крепкий человек в черной рубашке и черных брюках, тот самый, который глядел в капустном селе с плакатов СПС.

– Салам, Дауд, – сказал Хаген.

Мужчины поздоровались, и Хаген спросил:

– Послушай, Дауд, что это за обои ты расклеил вдоль дороги? Смотреть противно, какой такой СПС?

– Я всегда с президентом, – ответил Дауд.

– Э, если ты с президентом, приди к нему и посоветуйся. А если нет, то сними к черту эти обои. И кандидатуру свою сними.

Дауд помолчал, а потом спросил:

– А что, Ариеэ, химиков-то поймали?

– Каких химиков? – спросил Кирилл.

– А с химфака. Ему кассету прислали, а на ней сидит его племянница в хиджабе и говорит: «Ты мне не дядя, ты муртад и мунафик. Даем тебе три дня срока на то, чтобы уйти со своего поста и перестать убивать истинных мусульман, а иначе я сама тебя застрелю».

«Черт. И мы собираемся строить здесь химзавод».

После кафе асфальтовая дорога кончалась, и ехать на бронированном «мерсе» не было смысла. Они поменялись местами: охрана села в «мерс» и поехала назад, а Хаген сел за руль джипа.

Ташов обосновался сзади: Кирилл заметил, как он бережно достает из «мерса» и несет в руках барашковую шапку, полную чем-то и накрытую платком. Охрана кинула им пару автоматов, обнялась на прощанье и поехала назад.

Дорога теперь кружилась, как карусель; в темных тоннелях, прошивавших ребра обрывавшейся в пропасть горы, от жары и слепней спасались коровы, солнце било о серебряный капот джипа, слепило глаза; другая сторона ущелья была в глубокой тени.

Два измерения вдруг превратились в бесконечность; машина ползла, как букашка, между горой и пропастью, внизу по крупным белым камням скакала горная речка, и на зеленых табличках вдоль пропасти вместо дорожных указателей горели белым имена Аллаха.

Через полчаса они вылетели на плотину. Рабочие в оранжевых куртках заделывали яму в дорожном полотне. Кирилл покосился в зеркало заднего вида, и увидел за собой высокую гору, украшенную серпантином, с которого очень легко попасть по машине, если, конечно, навстречу не выскочит случайный козел.

Гора впереди была изогнута как гигантская створка устрицы, и по ее обнаженным ребрам к самой середине ракушки взбиралось белое село. У поворота к селу красовалась новенькая автозаправка с гордой надписью: «Империял. Верхний Кельчи».

Кирилл сообразил, что единственной мерой безопасности, которую приняли его спутники, была рокировка машин.

Через десять минут после Верхнего Кельчи они въехали в облака. Гравий летел из-под колес в пропасть, о стекло словно кто-то разбил банку сметаны, и одежда Кирилла мгновенно набрякла туманом. Их мотало из стороны в сторону, как пьяных. Даже Хаген сбросил газ.

Потом они вывалились из тумана, как самолет, заходящий на посадку, и сверху Кирилл увидел серые и рыжие скалы с плавающими кое-где клочками облаков.

Еще через два километра они затормозили перед свежей осыпью. Скальный козырек, сорвавшись, стесал дорогу, словно гигантской стамеской. Далеко внизу белые горы упирались в полированный малахит водохранилища.

Хаген вышел из машины и поддал один из раскатившихся перед провалом камней. Малахитовая вода всколыхнулась и чмокнула. Скалы пошли рябью. Кириллу было зябко без брошежилета.

– Проедем через Кельчи, – сказал Хаген.

– А машину где бросим? – спросил Ташов, – у Ахмеда?

– Зачем бросать, – возразил Хаген, – до конца доедем.

Кирилл вспомнил гору-устрицу и содрогнулся.

– Да мы разобьемся! – вскричал он.

– Замажем на десятку, что проедем? – уверенно предположил Хаген.

– Идет, – сказал Кирилл.

Они с грехом пополам развернулись, зарывшись колесами в какую-то осыпь, снова въехали и выехали из облаков, и свернули у автозаправки, к которой была пристроена крошечная моленная комната. Прошло уже четыре часа, Кирилл устал, и голова его болела от резких перепадов высот.

Асфальтовая дорога миновала село и стала подниматься вверх, петляя по лесистому склону, усыпанному желтыми листьями и красными ягодами. Щебенка скоро сменилась грунтом; слева шли белые невысокие березы, совершенно как в любом российском лесу (уже потом Кириллу сказали, что березы были какие-то реликтовые и изо всех мест в мире водились только на этой горе да в Пиренеях), справа начиналась пропасть, похожая на вдавленный в землю гигантский каблук.

Минут через сорок им попало целое стадо барашек. На одном из барашков, самом толстом, ехал верхом мальчишка лет восьми. Потом дорога кончилась. Под колесами машины топорщилась высокая высохшая трава. Белые хрящи горы, вздымавшейся на той стороне ущелья, теперь были вровень с машиной, и шли вертикально вверх, как небоскребы Сити. Кирилл очень отчетливо помнил, что именно с этой самой горы дважды стреляли по Хагену.

– Вот видишь же? Едем, – сказал Ариец.

В следующую секунду козырек подмытой земли скользнул под джипом и мягко обрушился вниз. Машину перекосило. Какое-то мгновение Кириллу казалось, что они сохраняют равновесие, но тут земля поползла снова, небо и горы поменялись местами, машина гулко ухнула и словно бы нехотя легла набок. Барашковую шапку на заднем сиденье подбросило, из нее вылетели какие-то мячики и поскакали по салону.

Машина перекувырнулась на крышу, и Кирилл на мгновение вспомнил стесанную стамеской пропасть и бирюзовую воду под белыми оголовками скал.

Машина сделала еще пол-кувырка, зацепилась за что-то, и замерла, раскачиваясь. Кирилл выворотил дверцу и выскочил наружу. Один из мячиков вывалился вслед за ним.

Гора над ними шла под сорок пять градусов, и джип стоял днищем вниз. Бок его упирался в безлистое колючее деревце, усыпанное красными мелкими сливами. В полуметре от деревца начиналась пропасть.

Кирилл покачнулся и сел у пропасти, прямо на вывалившийся из машины мячик. Мячик был неудобен и ребрист, и когда Кирилл встал, оказалось, что это граната. Кирилл отряхнул брюки и отдал гранату подошедшему к нему Хагену.

– С тебя десятка, – сказал Кирилл.

– Вот еще, – возмутился Хаген, – эй, Ташов, достань-ка лебедку!

* * *

К изумлению Кирилла, джип все-таки въехал на гору. Хагену понадобилось на это полтора часа. Впрягаться в лебедку Ташову пришлось еще дважды, а один раз он встал на подножку, чтобы удержать своим весом машину, проползавшую в полколеса над пропастью.

Дорога давно пропала, – широкие полосы высокой травы сменялись кустами и скальными щербинами. Кирилл категорически отказался сесть в машину, и взбирался сбоку, махнув рукой на проигранное пари. Медное донце солнца сверкало над горами; бурые скалы были отделаны бархатным мхом и серыми острыми колючками. Щегольские ботинки Кирилла исцарапались и покрылись какой-то сизой пылью. Кругом были горы, небо и ветер, и Кириллу казалось, что можно так вечно идти, кроша в пыль сухие комочки мха и вдыхая пряный, чуть разреженный воздух, и если идти достаточно долго, можно дойти до неба.

Последние сто метров гора стала совсем пологой, покрылась золотым руном альпийского луга, и Хаген проехал эти сто метров за рулем, оставляя за джипом две мятые колеи в высокой подсохшей траве. Потом машину слегка тряхнуло на камнях, она въехала на вершину хребта и остановилась. Тут же, слева, начиналось кладбище, справа гора снова уходила вверх, обрастая сочным зеленым кустом, переходившим в настоящий горный лес, – невысокий, но густой и запутанный, из мелких корявых дубков и сгорбленных сосен.

У кладбища не было ни ограды, ни названия: просто из колючих трав торчали неровные тонкие плиты, украшенные арабскими буквами и кое-где – знаками газавата. Трава была как-то гуще и выше той, что на склоне, и метрах в ста стояла могила шейха, игрушечный домик со столбиком-минаретом, а за зияратом начиналось небольшое село.

Исчезли из мира стальные небоскребы Сити, бутики, кредитные карточки и бонус по итогам года; над Кириллом было только небо и солнце, а под ним – лишь жесткая щетка трав и белые надгробья, вырастающие из белых костей скал.

Хлопнула дверца джипа. Хаген встал с водительского сиденья, довольно улыбаясь, сел на капот, поболтал длинными сильными ногами, обутыми в мягкие черные мокасины со шнуровкой, и, осклабясь, сказал:

– Ты проиграл пари.

Сухо треснул выстрел.

Пуля калибра 12,7 мм вошла в колесо точно под ногами Хагена. Джип вздрогнул и осел.

– Ложись! – крикнул Хаген, шумно обрушиваясь в траву.

Кирилл мешком свалился за белый столбик, в горном воздухе сухо-сухо, как туберкулезный больной, закашлялся калашников.

Стреляли только по ним. Ташов не стрелял. Только что он был слева от Кирилла, и видимо, он тоже нырнул за могильный камень, но когда Кирилл скосил глаза, он не увидел начальника ОМОНа. Может, он прятался, а может, был уже убит.

Солнце сверкало, как взорвавшийся «Шмель», и время капало медленно-медленно, как в мире, лишившемся тяготения. Глаза видели все: и муравья, бегущего вверх по стеблю, и круглую арабскую вязь на чуртах, и удивительные кусты, обсыпанные каким-то пухом, словно гигантские коробочки хлопка, – это были те самые кусты, из-за которых стреляли.

Хаген и Ташов были вооружены. Он, Кирилл, не имел даже кремневого пистолета, чье стилизованное изображение украшало надгробие, за которым он прятался.

Снайперка треснула снова, и Кирилл увидел, как в двадцати сантиметрах от его глаз разлетается в пух цветок чертополоха.

Топ-менеджер «Бергстром и Бергстром» Cyril B. Vodrov лежал на верхушке изогнутой ракушкой скалы, в двух тысячах метрах над уровнем моря и пяти тысячах километрах от небоскребов Сити, в щегольской белой рубашке от Армани и темно-серых брюках от Yves Saint

Laurent, и стрелки на его плоских платиновых часах с турбийоном показывали четыре часа дня. То самое время, в которое он сорок восемь часов назад вошел в просторный конференц-зал в другом измерении мира.

Двое, приехавших вместе с ним, возможно, были уже мертвы. Барашковая шапка с гранатами стояла в машине, и до нее было пять метров и вечность.

«Интересно, меня украдут или убьют?»

И тут зазвонил телефон.

Это было настолько неожиданно, что Кирилл вздрогнул сильнее, чем от нового выстрела. Он вообще думал, что связи здесь нет. Но он был на верхушке горы, и видимо поэтому связь была.

Кириллу казалось, что ему звонят с другой планеты. Осторожно, стараясь не высовываться из-за камня, он потянулся за трубкой и приложил ее к уху.

– Кирилл?

Этот негромкий, почти без акцента голос с налитыми металлом гласными Кирилл бы узнал из тысячи.

– Джамал! Джамал! – закричал Кирилл в отчаянии, понимая, что эта трубка – нить, на которой висит его жизнь, и эти слова – последние перед смертью.

В трубке рассмеялись.

– Джамал! Нам конец, Джамал!

Смех превратился в хохот, хохот – в ржач, и еще через секунду выронивший от страха душу, вжавшийся в землю Кирилл понял, что ржут не только в трубке.

Кусты, похожие на гигантские хлопковые коробочки, раздвинулись, и из них вышел высокий изломанный человек в крапчатом камуфляже, перетянутом черным ремнем. В правой руке он держал удочку снайперки. В левой его был зажат мобильник, и хохот человека разносился по верхушке горы.

– Кирилл, салам! Это я стрелял! Салам, брат!

Над кипящим на солнце капотом джипа показалась белокурая голова Хагена.

– Ой, не могу! – драл глотку Хаген, – а он думал, это ваххабиты!

Кирилл привстал, покачнулся и сел на теплую землю. Мир вращался вокруг, как гигантская центрифуга. Кирилл не знал, ругаться ему или плакать, и, взглянув вниз, с облегчением заметил, что по крайней мере брюки его были сухие. Хотя бы он не обделался, как давешний имам.

* * *

Последний раз Кирилл Водров и Джамалудин Кемиров виделись два с половиной года назад, в тот самый день, когда террористы на Красном Склоне захватили правительственную делегацию.

Официальная версия происшедшего гласила, что террористов возглавлял Арзо Хаджиев, мятежный начальник спецбатальона ФСБ «Юг», бывший полевой командир, перешедший на сторону федералов, а потом перевернувшийся еще раз. Согласно этой версии, злодейская попытка террористов была отбита благодаря охране российской делегации, причем в борьбе не на жизнь, а на смерть погиб глава делегации, вице-премьер России Иван Углов, и его ближайший товарищ, глава Чрезвычайной Антитеррористической Комиссии генерал-полковник ФСБ Федор Комиссаров. Оба они получили посмертно Героя России. Также согласно официальной версии, Иван Углов прибыл в Бештой, чтобы назначить его мэра Заура Кемирова главой республики.

Как ни странно, некоторые детали этой официальной версии соответствовали действительности. Вице-премьер Углов действительно хотел назначить Заура президентом республики. Арзо Хаджиев действительно хотел захватить делегацию.

Не его вина, что он немного опоздал, и когда его люди подоспели к крепости, делегация была уже захвачена бойцами Джамалудина Кемирова. У Джамала по кличке Абхаз были собственные претензии к вице-премьеру и к главе Чрезвычайной комиссии. Он выяснил, что именно они отдали приказ о взрыве захваченного чеченцами роддома в Бештое, – взрыве, при котором погибли сто семьдесят четыре человека, сорок семь из которых родились в тот же день, что и умерли.

Обнаружив себя, с одной стороны, международным террористом, захватившим правительственную делегацию, а с другой стороны – защитником этой же самой делегации от другой популяции террористов, Джамал Кемиров принялся торговаться.

Он потребовал: свободы для друзей, сидевших в СИЗО; поста президента для старшего брата, и, особенно – вице-преьера Углова, живьем. Джамал Кемиров хотел поговорить с могущественным вице-премьером о том, кто *ему* заказал взрыв роддома.

Россия капитулировала.

Углов получил пулю в лоб.

Арзо долго уговаривал зятя, – а Джамал был женат на его дочке – присоединиться к нему, а потом плюнул и попытался захватить Красный Склон силой. В бывшей ермоловской крепости на склоне горы началась резня – резня между двумя прекрасно подготовленными группами боевиков, которые все знали друг друга, плясали вместе на свадьбах и соболезновали на похоронах. У Джамала погибли две трети людей, у чеченцев – три четверти.

Официальная пропаганда не совсем врал. В делегации многие взяли в руки оружие, когда Джамалудин решил защищать русских. Начальник охраны вице-преьера, ветеран всех «горячих точек», «краповый берет» полковник Аргунов дрался так, что горцы завидовали, в крепости полегла вся охрана премьера, и даже был там какой-то совершенно цивильный депутат, владелец сети супермаркетов, который не очень хорошо понимал, с какой стороны у автомата приклад, а с какой ствол, но все же носил ребятам гранаты. Но был только один русский, который был вместе с Джамалудином Кемировым тогда, когда тот захватил российскую делегацию.

Этого русского звали Кирилл Водров.

* * *

Джамал по кличке Абхаз совершенно не изменился.

Он был все так же болезненно тощ, как полтора года назад, пожалуй, даже еще тощее, и перетянутый кожаным поясом камуфляж подчеркивал его худобу, скрывая накаченные мускулы плеч. На коротко стриженной голове вместо десантного берета красовалась черная шапочка. Его смуглое лицо осунулось еще больше, точь-в-точь напоминая лик святого или инквизитора, и черные глубокие глаза горели на этом лице, как раскаленные уголья.

– Салам, Кирилл, – сказал Джамалудин, – я слышал, ты привез в республику много денег? Мой брат просил, чтобы я во всем тебе помогал.

– Еще одна шутка в таком роде, – отозвался Кирилл, – и никаких денег не будет. Потому что я умру от разрыва сердца.

– Но все-таки это была отличная шутка, – расхохотался Джамалудин. – И потом, ты проиграл пари!

* * *

Он остался в горах до утра. Вечером, когда зашло солнце, Джамал и его люди встали на намаз, а потом сели за трапезу. Серебряные гвозди звезд прибили к небосводу черный занавес ночи; красные искры костра летели ввысь, и мясо молодого барашка таяло во рту.

Оказалось, что в селе живет какой-то устаз. Кирилл спросил, можно ли ему поговорить с устазом, и Джамалудин ответил, что нельзя. Они разговаривали всю ночь, и Кирилл сидел у костра в мягких брюках из шерсти тонкого мериноса и накинута сверху камуфляжной куртке.

Он заснул только к утру, а когда проснулся, обнаружил, что солнце уже стоит высоко над миром, и Джамалудин сидит, скрестив босые ноги, и наблюдает за двумя бойцами, дерущимися с Ташовом на полянке. Бойцы были хороши, но с таким же успехом они могли долбить экскаватор.

– Оставайся, – сказал Кириллу Джамалудин, – отдохни хоть пару дней.

– У меня сегодня вечером встреча в ВЭБе. В Москве. Мы должны получить гарантии под эту сделку, или никто не даст на нее и цента.

Они сошли вниз, к селу, где за каменным лабиринтом заборов начиналась объездная дорога. У двухэтажного дома, вросшего в скалу, дожидался черный скуластый джип. Они обнялись и Кирилл, глянув вниз, вдруг заметил, что младший брат президента республики стоит на колючей траве босиком. Кирилл с внезапной тревогой взглянул на худую, изломанную фигуру.

– Сколько месяцев ты держишь пост? – спросил Кирилл.

– Три, – ответил Джамалудин.

Кирилл невольно содрогнулся. Три месяца назад здесь было плюс сорок. Как можно выдержать девяносто жарких дней без воды и еды молодому, постояннодвигающемуся мужчине?

– Это твой устаз так велел?

– Рай так просто не заслужишь, – улыбнулся Джамалудин.

* * *

В республике Северная Авария-Дарго был прокурор, которого звали Наби Набиев. Кроме прокурорского кресла, у Наби Набиева было две жены, восемь детей, и цементный заводик в Аксайском районе.

Цементный заводик не всегда принадлежал Наби Набиеву. Когда-то он принадлежал одному греку, у которого его хотел забрать сын прежнего президента республики. Грек отказался отдать завод, и кончилось тем, что его украли и продали в Чечню, а когда он выкупился из Чечни, туда украли его жену.

И хотя продавали не завод, а владельца завода, в итоге всех этих трансакций и продаж цементный завод перешел в руки прокурора и сына президента республики, а когда президентом стал Заур, завод остался одному прокурору.

Прокурор был очень хороший хозяин и заводом занимался даже больше, чем следствием, потому что оказалось, что завод приносит несколько больше денег.

Однажды прокурор Набиев заметил, что объем продаж завода несколько упал, и когда он спросил, отчего это, то выяснилось, что на окраине Торби-калы построили другой завод, куда меньше, принадлежащий какому-то кумыку.

Прокурор расстроился и послал на завод проверку. Проверка ничего не дала, потому что кумык заплатил ей деньги, и тогда прокурор завел на кумыка дело по статье о терроризме. В справке по делу прокурор написал, что кумык на доходы со своего завода финансирует террориста Булавди Хаджиева.

Дом кумыка обыскали и нашли незарегистрированный автомат и гранату, а когда кумыка арестовали, к нему в камеру ночью пришел прокурор Набиев.

– Или ты продашь мне завод, – сказал прокурор, – или ты будешь сидеть в этой камере до Судного Дня.

Кумыку не хотелось сидеть до Судного Дня, и поэтому он подписал все бумаги. Прокурор был честный человек и даже заплатил кумыку немножко денег.

Но кто же знал, что кумык окажется такой паршивец? Как только он вышел на свободу, он прибежал к президенту республики Зауру Кемирову и заявил, что завод у него забрали силой.

Заур Ахмедович вызвал прокурора к себе в Бештой, и тот поехал очень обрадованный, что президент наконец решил поговорить с ним в неформальной обстановке.

Когда прокурор приехал, он увидел, что в кабинете Заура сидят Джамалудин и Хаген, а кроме этого, там сидел тот самый несчастный кумык.

– Скажи, Наби, – спросил президент республики, – что тебе больше нравится, прокуратура или цементный завод?

– Как же можно сравнивать эти вещи, – возмутился прокурор, – между ними не может быть никакого сравнения. Ведь когда получаешь деньги с завода, в завод перед этим надо вкладывать, а деньги с прокуратуры, это так сказать, чистый заработок. Но вообще-то завод приносит куда больше денег.

– Тогда оставь себе завод и пиши заявление об уходе, – сказал Заур Кемиров, – потому что отныне в республике придется выбирать – или бизнес, или должность.

Прокурору такие слова показались очень обидными, потому что он не понимал, как заниматься бизнесом, не имея должности, и прокурор сказал с достоинством:

– Не буду я писать заявления. А если этот гад нажаловался на меня, то он по уши погряз во взятках, и вдобавок финансировал террористов.

– Клянусь Аллахом, – сказал Джамалудин Кемиров, – ты напишешь заявление, или я отрежу тебе уши.

Тут прокурор понял, что если он не напишет заявления, то с ним поступят хуже, чем он – с кумыком, и ему пришлось написать заявление об отставке, и еще одну бумагу, о том, что он возвращает маленький заводик кумыку. Заур встал, и они распрощались.

Тут надо сказать, что прокурор республики был не очень умный человек. Если бы он был умный человек, то он бы сообразил, что президент Кемиров поступил очень взвешенно.

Ведь он не отобрал у прокурора бизнес, оставив ему должность, что было все равно, что отобрать у кошки птичку, оставив ей когти. Наоборот, он отобрал должность, а бизнес оставил, потому что человек, имеющий бизнес, послушен власти, и боится бунтовать, чтобы бизнеса не лишиться.

Но прокурору моча ударила в голову. Он вернулся со встречи с президентом и слег с сердцем, и так как он был на больничном, его, несмотря на заявление, нельзя было уволить. А пока он лежал с сердцем, родичи ходили к нему табуном, и особенно его пилила жена, и кончилось дело тем, что прокурор отозвал свое заявление и сказал:

– Вот еще! Я человек, которого Москва поставила блюсти закон, и я блюду закон во имя народа! Никаким тиранам меня не снять!

Об этом-то Наби и говорили Заур Кемиров и начальник Антитеррористического центра.

* * *

Кирилл прилетел в Москву к пяти вечера. Он в это время снимал просторную квартиру на Кутузовском; прошлая, на Чистых Прудах, пропала при обстоятельствах, которые Кирилл предпочитал не вспоминать.

Года назад, как раз когда Кирилл, опираясь на костыли, вышел из больницы, друзья затащили его на холостяцкую вечеринку. На вечеринке, как принято, были девушки. Не то чтоб они были проститутки, но все знали, что в таких случаях за присутствие заплачено.

Кириллу приглянулась одна, немного простоватая, черноволосая, с крупными темными маслинами глаз. По ее простодушному «оканью» и детской непосредственности было видно, что ей вечеринка внове. Она рассмешила Кирилла и рассердила распорядителя вечера, вице-президента крупнейшего российского банка, простодушно повторив название банка и спросив:

– А он как сберкасса или больше?

Кирилл хотел было взять девочку с собой, но обнаружил, что кто-то из гостей его опередил. Кирилл поморщился и уехал.

Спустя полтора месяца, уже почти оправившись, Кирилл заехал в ночной клуб. Девочки танцевали стриптиз на ярко освещенной сцене, а гости смотрели на них из зала. Когда девочки вышли к рампе, чтобы гости могли выбрать понравившихся, Кирилл в одной из них узнал ту, черноволосую, из Суздаля.

Кирилл сделал девочке знак, чтобы она подошла. Потом зашел в клуб второй раз, и третий. Через месяц Кирилл обнаружил, что оплачивает Норе квартиру, хотя она по-прежнему работала в клубе. История Норы была совершенно незамысловатая. Беременность в восемнадцать лет, ребенок, отданный на попечение пьющей бабушки. Первый парень, который сделал ей ребенка, куда-то пропал, от второго она сбежала в Москву: очень бил.

Здесь, в Москве, она бы сгинула или попала бы в низкопробный бордель, но у нее была школьная подруга, которая прошла этот путь раньше нее. Подруга и привела ее на ту вечеринку, Нора тогда оказалась в богатой компании первый раз.

Кирилл потихоньку проверил это. Это было действительно так, и Кирилл страшно на себя разозлился. Ему казалось, что он что-то тогда упустил, в тот вечер.

Больше всего Кирилла подкупало в Норе отношение к ребенку. Она ездила в Суздаль каждую неделю, сначала на автобусе, потом на машине, потом на служебном «мерсе» Кирилла, и в одну из поездок она привезла девочку с собой. К этому времени она уже жила в квартире Кирилла.

Прошло еще месяца три, и Кирилл собрался жениться. В принципе это было смешно; женились на моделях, на актрисах, на специально подобранных девушках, наконец. На девицах с вечеринок не женился никто.

– Послушай, – сказал Кириллу тот самый вице-президент Сережа, который затащил его на вечеринку, – мы же все были в том клубе. Мы же все ее знаем.

Но Кирилл все-таки решил жениться, подарил Норе квартиру, ту самую, на Чистых прудах, и открыл счет. Они вместе съездили в Англию, Нора осмотрелась в новом особняке в Бельгравии и вернулась оттуда в таком строгом МахМага, такая сияющая, такая недоступная, с серьезно-кукольным личиком и черными волосами, небрежно рассыпавшимися по шубке из щипаной норки, что все знакомые Кирилла переглянулись, и даже вице-президент Сережа усмехнулся, пожал плечами, и сказал:

– А ты пожалуй прав.

За два дня до свадьбы Кирилл уехал в срочную командировку, а Нора осталась одна. Вечером ей позвонила подруга, – та самая, которая и пристроила ее в клуб. Подруга сказала, что в клубе будет корпоративный праздник: не хочет ли Нора прийти.

Денег у Норы на карточке было столько, сколько не мог принести ей клуб за год. В сумочке лежали ключи от белого спортивного «мерса». Смысла идти не было никакого, однако зачем-то Нора пошла.

Она станцевала свой номер вместе с остальными девочками, а когда она подошла к краю рампы, где в темноте сидели гости, чтобы они могли выбрать понравившуюся им девочку, в первом ряду Нора увидела Кирилла Водрова. Он смотрел на нее очень задумчиво, потирая рот

рукой, бок о бок с тем самым вице-президентом Сережей, который хотел показать Кириллу, на ком тот вздумал жениться.

Подружка, пригласившая ее на праздник, не могла простить Норе, глупой бабе из Суздаля, с ребенком, которую она устроила из милости, – квартиры, особняка, и ключей от белого «мерса».

Квартира осталась за Норой, и больше Кирилл ее никогда не видел. Спустя три месяца он завел другую девушку. У нее снова были черные глаза, огромная грудь и иссиня-черные локоны, и ножки у нее были такие же длинные, как ее имя – звали ее Антуанетта.

Встреча в ВЭБе прошла прекрасно. Гарантия ВЭБа была нужна, чтобы получить гарантию Eximbank, а гарантия Eximbank была нужна, чтобы собрать деньги на рынке под приемлемый процент. Ни один вменяемый банк не ссудил бы Navalis деньги под завод на Кавказе без гарантий того, что в случае форс-мажора убытки от сделки возместит правительство.

Зампред банка был старый приятель Кириллы, и как-то так само собой произошло, что после встречи вся компания отправилась на прием, где к Кириллу присоединилась Антуанетта. Она выглядела сногшибательно в белом открытом платье, подчеркивающим дивный вид на полные груди, обтянутые бархатистой кожей; под локонами в ушах дрожали струйки бриллиантов.

Когда она вошла, разговор на мгновение затих, и темные глаза Антуанетты пробежали по пиджакам и брюкам толпящихся гостей, как лазерный луч на кассе бежит по штрих-коду дорогого товара.

К белым сорочкам мгновенно словно прилеплялись невидимые ценнички, потом Антуанетта улыбнулась, царственно наклонила голову и поплыла к Кириллу. Кирилл Водров, бывший спецпредставитель России при ООН, глава Bergstrom East Europe, пока имел самый большой ценник среди всех присутствующих, не считая разве что зампреда ВЭБа.

Антуанетта улыбнулась Штрассмайеру, одарила ласковым – слишком, для Кириллы, ласковым взглядом зампреда и спросила Баллантайна:

– You've been to Caucasus?

И засмеялась, как серебряный колокольчик.

Антуанетта вообще была молодец. Когда она приехала в Москву, то она полгода не вылезала из однокомнатной квартирki. Она смотрела показы мод и читала все гламурные журналы от корки до корки, – не как ленивая избалованная наследница, просматривающая картинки в поисках рубинового кольца, – а как прилежный студент, изучающий тяжелый курс сопромата, заучивая наизусть марки одежды, репетируя перед зеркалом поворот плеча и с натугой шевеля губами, чтобы правильно и без запинки выговаривать имена известных дизайнеров, культовых художников и светских персонажей.

Потом она таким же манером освоила английский. Кирилл был уверен, что если бы для того, чтобы получить доступ к кошельку самца, Антуанетте понадобится освоить общую теорию относительности, то уже через полгода Антуанетта будет бойко болтать о горизонте Коши, пространстве Минковского и замкнутых ловушечных поверхностях.

После ресторана поехали в ночной клуб, расположенный в бывшей городской усадьбе князей Барятинских; усадьбу снесли всю и отстроили заново. Располагалась она напротив нового «Ритца».

По мраморной лестнице, шедшей наверх, ползли клубы подсвеченного дыма, и в этих клубах стояли красавицы в париках, юбках и фижмах. Полные груди красавиц вываливались из корсетов, и диадемы в прическах времен Екатерины сверкали под лазерными лучами.

Они сидели в клубе все вместе, Кирилл с Антуанеттой, зампред с молодой певицей, и Штрассмайер с одной из красавиц в юбках и фижмах. Красавица устроила довольно шумный скандал по поводу принесенного ей тирамису.

– Ой, милочка, здесь вообще невкусный тирамису, – сказала Антуанетта, – здесь надо брать панакотту.

– Самая лучшая панакотта в «Марио», – мечтательным тоном сказала певица, которая в столь поздний час пила одну лишь воду и завистливым взглядом скользила по полной тарелке красавицы, – такая беленькая-беленькая, и вся дрожит, как свадебное платье.

– А вы были в новом «Марио», на Рублевке? – спросил зампред, – они переманили того повара, который готовил для Берлускони, и там совершенно сумасшедший сибасс. Смысл жизни, а не сибасс.

Екатерининская красавица тихо вздохнула. Она пока еще не была в той категории, чтобы сидеть в новом «Марио» на Рублевке. Она снимала с пятью подругами комнатку в Марьино и только вчера сдала в комиссионку норковую шубку, которую ей подарил какой-то лох из Кандалакши.

Салфетки меж хрустальных бокалов стояли, как снежные горы, которые можно смять и кинуть в угол, бриллианты блестели ярче луны, и когда Кирилл глянул на соседний столик, он увидел там сверкающую дорожку кокаина, рассыпанного по бордовой, как печеная кровь, скатерти с вышитыми на ней гербами князей Барятинских.

Они расстались около двух часов ночи; зампред ВЭБа уехал к супруге, а Кирилл подвез Штрассмайера с екатерининской красавицей к дверям отеля. Пышная юбка едва уместилась на заднем сиденье «лексуса».

– Если бы инвестиционный рейтинг зависел от ночной жизни, Москва имела б тройное А, – сказал Штрассмайер.

Вице-президент Navalis проследовал сквозь стеклянные двери, распахнутые швейцаром, и Кирилл поставил ногу на газ. В этот момент по подъездной дорожке въехал большой черный «мерседес», и высадившийся из него человек побарабанил о стекло Кирилла. Водров опустил стекло. Антуанетта зябко нахмурилась, поводя укутанными в песец плечиками.

– Кирилл Владимирович? – сказал человек. – С вами хотят побеседовать. Антуанетта Михайловна пусть едет домой, или хотите, наш шофер сядет за руль.

* * *

Было уже три часа ночи. Мокрая Москва блестела, вся в лужах и фонарях. Черный «мерс» свернул налево с Горького, бесшумной тенью скользнул мимо Думы и «Метрополя». Кирилл почему-то думал, что его везут на Лубянку, – однако «мерс» свернул вправо и вскоре остановился перед одним из подъездов бывшего комплекса зданий ЦК, ныне занятых администрацией президента.

В ночи вместо звезд расплывались тормозные огни, и красные ковровые дорожки глушили шаги Кирилла в темных заснувших коридорах.

В предбаннике скучал круглолицый помощник с орденом Мужества на лацкане безупречного пиджака. Кабинет, куда ввели Кирилла, был залит недремлющим светом, и за широким столом под огромным трехцветным флагом сидел пожилой человек с отсыревшим лицом и ледяными глазами.

При виде Кирилла человек радушно поднялся из-за стола и протянул ему крепкую, поросшую мелким белесым волосом руку.

– Семен Семенович, – сказал человек, – очень, очень приятно. Славно, что вы все-таки нас навестили. Чаю? Кофе?

– Чаю, – сказал Кирилл.

Подтянутый помощник был отправлен за чаем, а Семен Семенович и Кирилл разместились за круглым столиком для бесед, стоявшим тут же, в кабинете. Кирилл вдруг вспомнил, где

он видел помощника с Орденом Мужества. Помощник был на Красном Склоне среди членов захваченной ими правительственной делегации.

Некоторое время Семен Семенович шелестел бумагами, перебирая официального вида досье (на одной из бумаг Кирилл заметил свою фотографию), а потом решительно отложил документы в сторону и спросил:

– Кирилл Владимирович, вы ведь теперь – партнер «Бергстром и Бергстром»?

– Я руководитель восточноевропейского филиала, – сказал Кирилл.

– По нашим данным, ваша фирма консультирует компанию «Навалис», намеревающуюся получить лицензию на разработку Чираг-Герана и построить на побережье Каспия крупный химический комплекс?

– Во всяком случае, сэр Мартин дал об этом интервью. «Файненшл таймс», – любезно сказал Кирилл.

Ледяной рот чуть дернулся, и Семен Семенович сказал:

– Чираг-Геран – крупнейшее шельфовое месторождение на Каспии. Ни при каких условиях оно не может достаться западным империалистам, только и думающим о хищнической эксплуатации ресурсов нашей страны. Чираг-Геран должен принадлежать российской государственной компании.

– Насколько я понимаю, Чираг-Геран достанется тому, кто предложит лучшие условия, – ответил Кирилл.

– Кирилл Владимирович, – сказал человек с ледяными глазами, – вы не отдадите себе отчет в своем положении. Вы – террорист. Вы вместе со своими сообщниками захватили целую делегацию, и в ходе ваших преступных действий погибли замглавы ФСБ и первый вице-премьер России. Продадите шельф иностранцам – ответите за теракт.

– Мой сообщник – президент республики. Посадите его. Я посижу за компанию.

– А мы и не собираемся вас сажать, – ответил Семен Семенович, – как только «Навалис» купит месторождение, мы передадим ваше досье в «Бергстром и Бергстром». Не думаю, что ваша контора сделает партнером международного террориста. Вас вышвырнут отовсюду, Кирилл Владимирович, и я не думаю, что вы успеете выплатить задаток за ваш роскошный дом в Бельгравии. Двенадцать миллионов фунтов стерлингов, не правда ли?

Кирилл резко встал. Сутки назад он лежал на старом кладбище над залитым солнцем ущельем и думал, что жизнь его кончилась. Оказывается, были на земле места попаршивей.

Дверь кабинета отворилась, и на пороге показался все тот же круглолицый помощник. В руках орденосца был мельхиоровый поднос с двумя ароматно дымящимися чашками и белым кувшинчиком со сливками.

– Ваш чай, – сказал помощник.

Палец Кирилла на секунду коснулся двуглавого орла в центре похожего на перекрещенные секиры креста.

– Что-то я не помню, чтобы ты там сражался, – сказал Кирилл, повернулся и вышел.

Глава вторая

Особенности национальной демократии

Говорят, что в Америке каждый человек мечтает стать миллиардером. Считается, что он станет миллиардером, если будет прилежно трудиться и мало лгать. Бывали в мире страны, в которых каждый человек мечтал стать героем, коммунистом или космонавтом.

Что же касается республики Северная Авария-Дарго, то в ней каждый человек считал себя достойным быть президентом. Вот спроси любого на улице: «кто должен быть президентом», и если этот любой не сочтет вас агентом ФСБ, МОССАД или ЦРУ, он непременно ответит: «я».

Поэтому, когда Заур Кемиров был назначен президентом республики, это настроило против него больше миллиона мужчин, не считая, разумеется, совсем уже грудных детей, которые еще не мечтали о президентстве, а мечтали пока только о соске.

Но особенно это настроило против него человека по имени Сапарчи Телаев, который заплатил за пост президента республики два миллиона долларов генералу по имени Федор Комиссаров и был очень недоволен, что Комиссарова убили раньше, чем тот назначил Сапарчи президентом.

Сапарчи Телаев был человек, в своем роде замечательный. Он проводил по три часа в спортзале и по два – в тире. На экране он выглядел как усовершенствованная модель Терминатора. В свои пятьдесят три года Сапарчи подтягивался тридцать три раза, и с расстояния в пятьдесят шагов он выбивал десять очков из десяти из «стечкина». Этот самый «стечкин», а также короткий «узи» и горский кинжал Сапарчи всегда хранил под собой в стальных ручках своего инвалидного кресла, ибо Сапарчи Телаев, председатель совета директоров компании «Авартрансфлот» и народный депутат республики Северная Авария-Дарго, вот уже семь лет как был парализован ниже пояса.

Вот этот-то Сапарчи считал совершенно позорным, что человек, который убил генерала Комиссарова и вице-преьера Углова, назначен президентом республики, а человек, который был совершенно лоялен власти и даже заплатил два миллиона долларов, пролетел, как фанера над Парижем.

Сапарчи Телаев не без основания полагал, что многие в Кремле, кто знал истинные обстоятельства назначения Заура на пост президента республики, тоже считают эти обстоятельства совершенно позорными, и не возражали бы, если бы Заур Кемиров куда-то исчез, или испарился, или иным способом перестал быть президентом.

К сожалению, убивать Заура Кемирова не имело смысла, потому что у Заура был брат, который был даже хуже его, а убить Заура и брата вместе было б крайне затруднительно, потому что они никогда не садились в одну машину и никогда не появлялись вдвоем на каком-то мероприятии. Кроме того, Сапарчи понимал, что в Кремле понимают, что если убрать Заура, или назвать его террористом, то все те люди, которые сейчас помогают Джамалудину бороться против террористов, уйдут в лес, и, чего доброго, сами сделаются террористами.

А ничего хорошего не бывает в республике, если ОМОН республики, и бойцы Антитеррористического центра, и еще две сотни всяких спортсменов, чиновников и даже депутатов уйдут в лес и сделаются ваххабитами. Такую республику трудно назвать частью цивилизованного мира.

И все же, как мы уже сказали, Сапарчи был крайне обижен на Заура за то, что тот стал президентом вместо него, и считал, что ему по праву полагается какая-то компенсация.

Поэтому, когда Сапарчи услышал про шельф, он приехал к Зауру на своем единственном в мире бронированном «хаммере» с ручным управлением, и сказал:

– Послушай, я слышал, что ты продаешь лицензию на Чираг-Геран. Отдай ее мне, и я буду помогать тебе во всем.

– Стартовая цена аукциона – полмиллиарда долларов, – ответил Заур, – выиграй аукцион, и лицензия твоя.

У Сапарчи не было полумиллиарда долларов, и поэтому он воспринял эти слова как тонкое оскорбление. Однако он сдержался и попросил:

– Тогда отдай мне «Аварнефтегаз».

– Генеральный директор «Аварнефтегаза» – мой брат Магомед-Расул, – ответил Заур Кемиров, – ты что, предлагаешь мне выкинуть брата и поставить тебя? Что про меня скажут люди, если узнают, что я без причины увольняю братьев?

– Тогда отдай мне Бештой, – сказал Сапарчи, – выборы через месяц, а пост мэра свободен. Ты же теперь президент, а не мэр.

Они оба были из Бештойского района, и даже из соседних сел, которые теперь вошли в черту города и, конечно, по своему происхождению Сапарчи вполне мог быть мэром Бештоя.

– Мэром Бештоя станет Джамалудин, – ответил Заур Кемиров, – а впрочем, можешь попробовать выиграть у него на выборах.

Тут надо сказать, что президент республики Северная Авария-Дарго был человек гораздо мягче своего брата, и склонный к компромиссам. Если бы Сапарчи Телаев попросил у него место главы района, или депутатство для какого-нибудь племянника, то Заур, конечно, с удовольствием дал бы ему это место. Заур всегда предпочитал сотрудничать с людьми, а не воевать.

Но Заур знал, что Сапарчи человек вздорный и что мир с Сапарчи будет расценен остальными как признак его слабости. А он был не в том положении, чтобы позволить себе быть слабым.

– Что же, – сказал Сапарчи Телаев, – я выиграю эти выборы. Не думаю, что людям в Кремле нравится, что во главе республики стоят убийцы и террористы.

* * *

Следующим, кого Сапарчи Телаев навестил после встречи с Зауром, был прокурор республики Наби Набиев. Прокурор был настроен не очень хорошо против Заура Кемирова, потому что он заплатил генералу Федору Комиссарову миллион долларов за пост президента и ожидал, что президентом назначат именно его. По этой же причине он был не очень хорошо настроен по отношению к Сапарчи Телаеву.

– Ассалам алейкум, – поздоровался Сапарчи Телаев, вкатываясь к прокурору республики.

– Ваалейкум ассалам, – ответил тот.

– Я слыхал, ты перебираешься в Москву? – спросил Сапарчи Телаев.

– С какой стати мне ехать в Москву? – изумился прокурор Набиев.

– Я слыхал, что на твое место назначают Чарахова, – ответил Сапарчи Телаев, – говорят, он уже заплатил Зауру полмиллиона долларов, и в Москве все согласовано.

– Ах он сволочь! – вскричал прокурор, до которого такие слухи, и вправду, доходили. – Так вот почему он потребовал с меня заявление! В этой проклятой Аллахом стране все продается и все покупается!

– Э, – сказал Сапарчи Телаев, – этому недолго быть. Я разговаривал с большими людьми в Москве, и они, как ты понимаешь, страшно недовольны Кемировыми. Они говорят: «Позор, что террорист и убийца диктует условия России. Россия этого так не оставит».

Прокурор республики весь обратился в слух. На столе у Сапарчи всегда стояла фотография, на которой он был снят вместе с главой ФСБ. А на стене висела другая, на которой он

закладывал православный храм во Пскове вместе с патриархом Алексием. Из этого следовало, что связи у Сапарчи в Москве самые необыкновенные.

– Это сущее бедствие, – сказал прокурор, – прежний президент, Ахмеднаби Ахмедович, был великий президент! При нем у каждого человека была свобода! А теперь что? Мой двоюродный брат строил дорогу от Кюнты до Тленкоя, и на эти цели Москва выделила пять миллионов долларов. Так получилось, что дорогу не построили, а деньги куда-то делись. И вот Джамал Кемиров ворвался к нему домой, закинул в багажник и отвез к себе в Бештой. Ты знаешь, что он сделал? Он пригрозил, что бросит его в одну клетку с тигром! Его палачи волокли моего брата по земле! Он плакал, отбивался, но они-таки запихнули его в клетку! И знаешь, что это была за клетка?!

Прокурор вздохнул и сказал трагическим голосом:

– Это была клетка с сусликом!

– Лучше отдай эти деньги мне, – сказал Сапарчи, – а я передам его тем людям в Москве, которые недовольны Кемировыми. Слава богу, еще есть те, кому не безразлична целостность России.

* * *

Следующим человеком, которого навестил Сапарчи, был Дауд Казиханов. Дауд Казиханов в прошлом был знаменитым спортсменом, а состояние он скопил, торгуя людьми с Чечней. Когда он скопил достаточно денег, он купил себе должность главы Пенсионного Фонда, и в результате его деятельности в республике резко улучшилась демографическая ситуация.

Демографическая ситуация улучшилась потому, что когда человек умирал, об этом не сообщали, а пенсию за него продолжал получать Дауд Казиханов. Дауд очень гордился тем, что он получает семьсот тысяч налом каждый месяц, и не обирает никого, кроме мертвых. Он говорил, что такого чистого заработка, как у него, нет ни у одного человека в республике.

Будучи богатым человеком, Дауд заплатил за должность президента пятьсот тысяч долларов, и очень переживал за неудачное вложение.

Когда Сапарчи приехал к Дауду на своем бронированном «хаммере», Дауд лично вышел встречать его во двор дома, замощенный светло-серым мрамором. Посередине двора плакал фонтан, рядом под летним зонтиком ломился накрытый стол.

Сапарчи сам перекинул свое тело из «хаммера» в инвалидную коляску, и Дауд побыстрее сел на один из стульев под зонтиком, потому что он понимал, что Сапарчи неприятно, когда люди стоят.

– Эй, – сказал Сапарчи, оглядывая двор, – что-то ты не очень бережешься.

У ворот со двора стояла большая сторожевая вышка, и перед этими воротами всегда дежурили двое автоматчиков. Когда Дауд куда-то выезжал, он всегда выезжал на броне. С ним была машина сопровождения, и в бронированном стекле его машины красовались окантованные сталью дырочки, чтобы отстреливаться. Со времени бизнеса в Чечне Дауд несколько нервно относился к своей безопасности. Ему все время мерещилось, будто его хотят убить. Поэтому он очень живо среагировал на слова Сапарчи и спросил:

– А что такое?

– Я слышал, – ответил Сапарчи, – что Джамал Кемиров заказал тебя Черному Булавди.

Булавди Хаджиев был племянник однорукого Арзо, покойного командира спецбатальона «Юг». В первую чеченскую войну Булавди воевал на стороне боевиков, а во вторую – на стороне федералов. Всю историю, которая была на Красном Склоне, списали на террориста Арзо, но его племянник уцелел и за последний год стал самым непримиримым лидером подполья. Джамалудин Кемиров публично пообещал миллион тому, кто принесет ему голову «этого черта».

– Разве они поддерживают отношения? – изумился Дауд Казиханов.

– Э! – изумился Сапарчи, – неужели ты не знаешь? Помнишь эту историю, когда Хагена обстреляли на плотине? Ведь они стреляли дважды, и промахивались нарочно, а на третий раз Булавди послал гонцов к Джамалу и сказал: «Два раза я делал это понарошку, а третий сделаю всерьез, если ты не заплатишь мне миллион отступного». И тогда они встретились, и Джамал сказал: «Я готов заплатить тебе миллион, но не просто так. Убей для меня моих врагов: Дауда, Сапарчи и прокурора Наби, и будем считать, что мы квиты».

Надо сказать, что Дауд не очень изумился рассказу. Ваххабиты всегда использовались в республике как самая дешевая киллерская сила. Они убивали по демпинговым ценам. Никто не мог выдержать их конкуренции.

– Но если меня заказали, то где же кассета? – вскричал Дауд Казиханов.

Тут надо пояснить, что приговоры, которые выносил Булавди, никогда не были голословными. Не было такого, чтобы кто-то где-то кому-то сказал, и человека убили. Булавди всегда записывал приговоры на камеру, и эта кассета распространялась среди своих, как приказ к действию. Без этой кассеты так же было невозможно начать убивать человека, как без приговора суда послать его по этапу. Дауду дважды присылали кассеты, но Дауду всегда как-то удавалось отрегулировать этот вопрос, и со времени последней кассеты прошло уже месяцев восемь.

– Кассета есть, – сказал Сапарчи, – ее видели в Кремле на самом высоком уровне! Там очень обеспокоены контактами между Кемировыми и террористами. Ведь они, считай, сговорились. Булавди будет для Кемировых убирать тех, кто не ползает на коленях перед Джамалом, а Джамал будет для Булавди убирать тех боевиков, которые его не слушаются, а в Кремле будет рассказывать, что только он может бороться с терроризмом. Только у него, мол, есть штыки.

– Эти сказки пусть он рассказывает слизнякам, – вскричал взбешенный Дауд, – у меня не меньше людей, чем у него. Если в Кремле и в самом деле недовольны Зауром, мы сметем его, как мусор с дорожки!

* * *

После этого Сапарчи поехал в Москву.

Надо сказать, что слухи о знакомствах Сапарчи в Москве были сильно преувеличены. Самым высокопоставленным знакомым Сапарчи был Федор Комиссаров, да и того убили.

И поэтому, когда Сапарчи приехал в Москву, ему пришлось не очень легко. Сначала он заплатил двадцать тысяч долларов человеку, который говорил, что знает нужных людей, но этот человек взял деньги и куда-то пропал, и уже потом Сапарчи услышал, что он съездил на них с любовницей в Гонолулу.

Потом он пожертвовал пятьдесят штук на какой-то благотворительный вечер, организаторы которого гарантировали, что на нем будут самые высокие люди из Кремля, но вместо людей из Кремля была там только старушка-певица, наряженная почему-то английской королевой, и Сапарчи понял, что деньги пропали.

Свели его затем с каким-то мошенником, который говорил, что он внебрачный сын Генерального Прокурора, но тот слинял сам, услышав, что предоплаты не будет (потом уже Сапарчи узнал, что тот действительно был сын прокурора, но с папой никакой связи не имел), и на исходе второй недели, когда глава «Авартрансфлота» уже отчаялся, просадил кучу денег на проституток и две кучи – на чиновников, в московской квартире Сапарчи раздался звонок.

– Сапарчи Ахмедович? Это приемная Забелыцына. Семен Семенович хотел бы встретиться с вами.

Семен Семенович сидел в длинном здании сразу за Боровицкими воротами. Из роскошного кабинета на втором этаже были видны зубцы Кремлевской стены и сизые, вдоль нее, ели. Когда Сапарчи строил свой дом, он выложил стену из такого же кирпича и посадил перед ней

такие же елки, но они не очень принялись на скалистой аварской почве; да и стена у Сапарчи была ниже.

Семен Семенович встал из-за стола, когда в его кабинет вкатилась коляска Сапарчи, и брови его почтительно вздернулись, когда бритый наголо инвалид с могучими плечами, которые не мог скрыть даже жемчужного цвета костюм от Армани, одним движением рук перебрал себя из коляски в удобное кожаное кресло.

Семен Семенович был невысокий, чуть оплывающий в талии человек с колтунчиком светлых волос на голове и очками в тонкой золотой оправе. Эти очки были, видимо, складные, и то и дело расстегивались на носу, и тогда Семен Семенович убирал одну половинку очков и глядел на собеседника через другую половинку, прищурясь. Когда он глядел на собеседника, казалось, что температура в комнате падает на три градуса.

Сапарчи был человек наблюдательный, и он сразу заметил, что Семен Семенович в кабинете не один. У столика стоял невзрачный человек в штатском и заваривал для Забельцына чай. Этот человек был главой ФСБ. Напротив него стоял другой человек и резал для Забельцына бутерброды. Этот человек был главой Следственного Комитета при прокуратуре.

Кроме того, в кабинет его провел круглолицый помощник, в котором Сапарчи узнал человека, бывшего в составе злосчастной прошлогодней делегации. Это было хорошо, потому что это означало, что человек этот все видел своими глазами.

Хотя, с другой стороны, люди из ФСБ умели своими глазами видеть так разноречиво и такие удивительные вещи, что даже Сапарчи иной раз диву давался.

– Я очень рад, Сапарчи Ахмедович, что вы нашли возможность заехать, – сказал Семен Семенович, – надеюсь, что вы расскажете нам об обстановке в республике.

– Да какая там обстановка, – вздохнул Сапарчи, – народ в ужасе. Президент расправляется с недовольными. Глава Пенсионного Фонда дрожит, потому что его заказали шайтанам. Должность прокурора продали пособнику боевиков. А теперь весь шельф решили продать Западу, и на выручку от продажи финансировать террористов, чтобы отторгнуть республику от России!

– Может быть, – сказал Семен Семенович, – однако у президента много верных ему вооруженных людей.

– Блеф все это, – вскричал возмущенный Сапарчи, – да Дауд разгонит всех его боевиков половиной своих людей! А у меня людей и побольше Дауда!

– Что ж, – сказал глава ФСБ, который заваривал Забельцыну чай, – это меняет дело.

– Россия не забудет того, что случилось в Бештое, – поддержал его начальник Следственного Комитета, который резал для Забельцына бутерброды, – она не прощает нанесенных ей оскорблений.

А Семен Семенович прищурился и спросил:

– Говорят, вы выдвигаете свою кандидатуру на выборах мэра в Бештое?

– Разумеется, – сказал Сапарчи.

– Россия будет приветствовать вашу победу на выборах, – сказал Семен Семенович. – Важно дать понять президенту Кемирову, что в республике есть люди, верные федералам!

– Такие люди есть! – горячо воскликнул Сапарчи.

* * *

В конце аудиенции улыбающийся Семен Семенович тепло пожал Сапарчи руку и лично проводил до лифта.

Когда Семен Семенович вернулся в кабинет, улыбка на лице его погасла, как будто в глазах шелкнули выключателем, Забельцын повернулся к своему помощнику и спросил:

– Что делал этот человек во время мятежа?

– Катился на своей коляске впереди толпы, – ответил помощник, – и кричал, что тот, кто убьет неверного, попадет в рай.

Семен Семенович усмехнулся и сказал:

– Ну что же. Следует помочь ему выиграть выборы в Бештое.

И пошел в туалет мыть руки, потому что больше всего на свете Семен Семенович не переносил людей, которые меняют взгляды, как галстуки, и вместо работы занимаются разводками.

Этот визит случился где-то за неделю до встречи Семена Семеновича и Водрова, и мы, конечно, могли рассказать о нем сначала, а о встрече – потом, но мы же не протокол пишем, а рассказываем, как оно удобней.

* * *

Кирилл Водров и десяток экспертов вернулись в Торби-калу через неделю. На аэродроме их встречал Магомед-Расул, брат президента и глава компании «Аварнефтегаз».

Самолет, на котором они прилетели, был небольшой узкий «Челленджер», с широко разведенными крыльями и алой эмблемой «Навалис» на хвосте. Почему-то он поразил Магомед-Расула. Тот обежал самолет вокруг, как любопытный щенок обегает фонарный столб, помеченный соседским кобелем, зачем-то, ухватив, раскачал крыло, и, забежав в кабину, долго и зачарованно смотрел на хитроумную россыпь приборов.

– Зверь самолет! – сказал Магомед-Расул, – умеют же делать, а? Ну, в общем, программа такая: сейчас едем ко мне домой...

– Не надо домой, – сказал Кирилл, – нам надо осмотреть еще два участка.

Магомед-Расул согласился, и они вышли из самолета.

«Порше-кайенн» с синими номерами и мигалкой, на котором приехал Магомед-Расул, стоял у самого трапа, и Штрассмайер рассматривал машину с некоторым удивлением. Кто-то сказал ему, что синие номера означают полицию, и вице-президент «Навалис» видимо пытался понять, почему глава нефтяной компании ездит на такой же машине, на которой на Западе ездит «скорая», и кто разрешил управлению внутренних дел купить служебную машину за полтораста тысяч долларов.

Если бы такую машину купила полиция в его родной Баварии, то начальник полиции Баварии наверняка бы потерял свой пост. Магомед-Расул увидел интерес Штрассмайера к машине и истолковал его несколько другим образом.

– А, какая машина? – сказал он, – двести в час делает, как огурчик! Умеют же делать, а?

– Прекрасная машина, – сдержанно сказал Штрассмайер.

– Тогда дарю! – горячо воскликнул Магомед-Расул.

Вице-президенту «Навалис» был вовсе не нужен «порше-кайенн» с милицейскими номерами и мигалкой на крыше, и он перепугался, когда увидел, что брат президента говорит серьезно.

– Нет, что вы, – сказал Штрассмайер.

– Бери-бери! – повторил Магомед-Расул, – для друзей нам ничего не жалко. У нас такой обычай, в день Уразы-Байрама дарить человеку то, что ему нравится. Это к счастью.

Плотно облизнулся и прибавил:

– Не, ну до чего же у вас козырный самолет!

Штрассмайер пришел в совершенное замешательство, а Кирилл, отойдя в сторону, начал набирать номер Ташова.

* * *

Строительный участок, который они хотели осмотреть, начинался огромными ржавыми воротами. На воротах была облупившаяся пятиконечная звезда, из степных подвядших колючек росли истлевшие клубы колючей проволоки.

Перед воротами паслись барашки: они ели траву и не трогали проволоку. Перед барашками стоял длинный, как лист осоки, бронированный «мерс», и на его капот опирались двое – белокурый ас из «Кольца Нибелунгов» и черноволосый джинн из «Тысячи и одной ночи».

– Эй, – закричал Хаген, едва Магомед-Расул со спутниками показался из машины, – где тут «порш», который дарят? Слушай, подари мне, у меня как раз тачку взорвали, вон, на рыдване еджу...

– Экий ты, Ариец, весельчак, – расхохотался брат президента, – тебе не надаришься. Третью машину за месяц угробил!

Магомед-Расул помрачнел лицом, и Кирилл понял, что разговор о самолете в подарок закончен.

– Спасибо, – шепнул он Хагену.

За воротами оказался завод. Когда-то этот завод собирал торпеды и мины. Теперь от завода остались подъездные пути, истлевшие зубы цехов, да двести гектаров земли к северу от Торби-калы.

Эксперты разбрались кто куда, а Кирилл медленно пошел вдоль берега. Покинутые цеха выглядели так, как будто в них взорвалась их же продукция, и белые барашки волн бились о бетонные сваи и выбеленные челюсти терминалов: дно в этом месте было углублено земснарядными, и когда-то сюда заплывали сторожевики и дизельные подлодки, теперь здесь можно было легко построить новые терминалы.

Километра через два ржавое железо кончилось. Потрескавшийся асфальт перешел в аккуратную восьмиугольную плитку. По обе стороны дорожки вдруг выросли роскошные агавы. Гниющие водоросли на берегу были аккуратно сложены в кучку, и сразу за кущей прибрежных деревьев Кирилл увидел огромную кирпичную стену, за которой поднимались нарядные башенки чьего-то особняка. На кадастровом плане дом был обозначен как «открытый навес для сельхозтехники».

Кирилл нажал звонок, калитка распахнулась, и взору Кирилла предстали два крепких горца в неизбежном камуфляже и с неизбежными «калашниковыми» в руках. За их спинами пел фонтан, и вода бежала с горы вдоль дорожек в море. На высокой веранде, отороченной резным чугунным литьем, грелась на солнышке породистая черно-белая борзая.

– Это чей дом? – сказал Кирилл

– Какой-такой дом? – спросил автоматчик.

Кирилл вынул из кармана кадастровый план, ткнул в него пальцем и пояснил:

– В том-то и дело. По кадастру тут навес для сельхозтехники, а вот – стоит дом.

Автоматчик вынул из рук русского кадастровый план и бросил его себе под ноги:

– Ну так иди в суд и докажи, что тут не навес.

Калитка захлопнулась.

* * *

Кроме старого завода, было еще два участка, оба к югу от Торби-калы, но поменьше и не такие удобные, и кроме этих двух участков, был еще один, который захотели осмотреть турецкие строители. Этот участок находился высоко в горах и не имел отношения к заводу, но

турки знали, что президент Кемиров строит на этой горе современный подъемник, – и почему бы не построить там пятизвездочный отель?

Участок находился в Бештое, и они полетели в Бештой на вертолете. Кирилл заподозрил, куда они летят, когда они миновали авиабазу, и стали спускаться к белой крепостной стене, утопающей в ежевике и проволоке.

Штрассмайер сообразил это только тогда, когда они сели.

Остов крепости Смелая возвышался в лучах заходящего солнца, как гигантский мусорный бак, который уличные мальчишки опрокинули на бок, да и развели пожар. Третий этаж обвалился весь: он просыпался вниз завалами щебня, и вместе с ним до земли рухнуло все правое крыло. Нижние этажи, царской постройки, с каменными стенами полутораметровой ширины, глядели выбитыми окнами, а кое-где и между окон зияли проломы. Стены были покрыты татуировкой пуль.

Кирилл поднялся по широкому мраморному крыльцу, засыпанному щебнем от рухнувшего козырька, и оказался в просторном холле. Лестница, уходившая в разверстое небо, висела на кусках подкопченной арматуры, как мясо на переломанных ребрах, из неба торчала верхушка горы и решетчатые опоры новенького подъемника.

Кирилл присел на корточки и рассеянно подбросил в ладони кусок штукатурки с налипшим на нем камнем.

– Господи, – выдохнул за спиной Штрассмайер, – у них что, были пушки?

– «Шмели», – сказал Кирилл, – это стандартная тактика спецподразделения при штурме боевиков. Всаживаешь в окно «шмель», подавляя огневые точки противника оружием неизбирательного действия. Термобарический взрыв выжигает все в радиусе тридцати метров. Они всадили в окна восемь «шмелей».

– И охрана вашего вице-премьера отбила такую атаку? – изумился Баллантайн.

Он обернулся. Белокурый тролль Хаген и черноволосый джинн Ташов стояли у обрушившейся стены, молчаливые, неподвижные, и заходящее солнце словно кипело на вытертом стенке подствольника, навинченного на автомат за плечом Хагена. Чуть поодаль стояла шеренга затаенных в камуфляж бойцов.

– Ох черт, – пробормотал Баллантайн, – конечно же. Извините.

Ташов прошел в распахнутую стену столовой, и Кирилл последовал за ним. Перекрытия, выходящие к хоздвору, были разворочены навывлет, как грудная клетка разрывной пулей. В море битого кирпича плыл ржавый обруч от люстры.

– Кто покушался на Хагена? – спросил Кирилл.

– Был такой. Чеченец. Шамсаил.

«Был»? То есть уже нет?

Словно зябкая тень скользнула над руинами.

– Если он чеченец, – сказал Кирилл, – у него остались родичи. И Хаген ведет себя непередаваемо легкомысленно. Я, конечно, понимаю, что он не знает, что такое страх. Точнее, он знает, что это такая штука, которую все живое испытывает при виде его. Но...

– Там никого не осталось. – сказал Ташов. Помолчал и добавил: – Даже женщин.

В Кирилла словно плеснуло жидким азотом.

– Совсем никого? – спросил Кирилл.

Ташов молчал. Кирилл поднялся с корточек и подошел к разорванной стене. За стеной была пропасть, далеко внизу в сомкнутых ладонях гор лежали белые крыши Бештоя, и четырехгранный гвоздь минарета возвышался рядом со сверкающей на солнце стеклянной крышей над разрушенным роддомом.

Кириллу всегда казалось, что Красный Склон – это был конец. Начало истории было в роддоме, конец – на Красном Склоне. Только теперь Кирилл понял, что Красный Склон – это всего лишь одна из пересадочных станций долгой дороги.

– У нас в селе, – шевельнулся сзади Ташов, – был парень по имени Абдурахман. Боролся. Хорошо. А потом стал бегать по горам. Ментов убивал. У меня троих убил. Потом... Джамал узнал, что Абдурахман вернулся домой. У него дом был третий от моего.

Ташов замолчал. Кирилл глядел вниз, на стеклянную крышу, с которой началась дорога. Он не был уверен, что в конце этой дороги тех, кто идет по ней, ждет что-то хорошее, но эта дорога была такого рода, что, однажды ступив, свернуть с нее было нельзя. Он думал, что Ташов уже больше ничего не скажет, но тут гигант заговорил вновь:

– Дома были жена и трое детей. И я решил залететь в соседний дом, чтобы Абдурахман выскочил и попал в засаду. Соседний – это был четвертый от меня дом. Но я взял ребят, которые были не местные, и так получилось, что они перепутали ворота и заскочили в третий.

Из далека-далека, как крик о помощи, вдруг донесся азан. Наступало время молитвы. «Он сам называл другой дом, – вдруг понял Кирилл, – он хотел, чтобы этот Абдурахман ушел».

– Ребята залетели прямо к нему во двор, но он все равно сумел убежать, – сказал Ташов, – застрелил двоих и выскочил, и тут уж мы бросились за ним, потому что он убил наших. Он был ранен, и далеко не ушел. Он отстреливался, пока не умер.

По дороге вдоль ущелья карабкались вверх черные коробочки кортежа. Кирилл вдруг заметил внизу десятка полтора белых домиков, слишком больших, чтобы быть просто жильем: похоже, лыжный бизнес возвращался в эти края, дикие гостиницы росли как грибы.

– И с тех пор я езжу мимо этого двора, и там все время стоит его брат. Этому брату пятнадцать, а другому – девятнадцать. Я езжу на броне и с охраной, и я знаю, чего они ждут. Они ждут, когда я уйду с работы.

– А тогда... Не лучше ли... как Хаген? – спросил Кирилл.

– Нет. Пусть ждут.

Ташов повернулся и пошел обратно к выходу из столовой.

В разрушенном холле стояли притихшие турки.

– Прекрасная строительная площадка, – заметил Кирилл, – по крайней мере, демонтаж здания уже выполнен.

* * *

Площадка перед бештойской резиденцией была забита машинами. В очереди перед входом толпились бизнесмены, министры и депутаты, которые приехали к президенту на Уразу-Байрам, и когда Кирилл вышел из машины, он столкнулся нос к носу с инвалидной коляской Сапарчи Телаева. Сапарчи катился к воротам, как пушечное ядро, и двое его телохранителей бежали за ним, придерживая на бедре тяжелые «стечкины». У ворот молодые парни в камуфляже досматривали посетителей.

– Оружие есть? – спросили они у Штрассмайера, когда до него дошла очередь.

– Конечно нет! – поразился тот.

– Проходи.

– Оружие есть? – спросили через секунду Кирилла.

– Конечно, нет, – удивленно сказал Кирилл.

– Проходи.

Следующим был Сапарчи Телаев.

– Оружие есть? – спросил Сапарчи охранник.

– Конечно, есть! – возмутился глава «Авартрансфлота».

– Проходи!

И коляска Сапарчи, с «узи», «стечкиным» и горским кинжалом, вкатилась в мощный двор резиденции.

Как мы помним, в это время в республике были выборы, и против Заура Кемирова на выборах сложилась предвыборная коалиция.

Первый шаг этой предвыборной коалиции был немного странный: все члены коалиции приехали к Зауру и предложили ему свою поддержку на выборах. Бывший мэр Торби-калы во всеуслышание воскликнул, что с назначением Заура над республикой взошло солнце, а Сапарчи Телаев подарил Джамалудину Кемирову «стечкин» из чистого золота с надписью из Корана.

Приехал в резиденцию и глава Пенсионного Фонда Дауд Казиханов, но не затем, чтобы распинаться о солнце, а чтобы поговорить с президентом наедине, но как-то это не получилось, и Дауд был очень зол на это обстоятельство. Он бродил по дорожкам, раздраженно поглядывая на гостей, павлинов и леопардов, когда возле него возник третий из братьев Кемировых – глава «Аварнефтегаза» Магомед-Расул.

Магомед-Расул отозвал Дауда в сторону и сказал:

– Послушай, зачем ты поссорился с братом? Или ты хочешь, чтобы с тобой было как с Наби?

Дауд топнул ногой и сказал:

– Я бы и сам хотел с ним примириться, да не понимаю, как к этому приступить.

– Мой брат, – сказал Магомед-Расул, – очень сердит на тебя. Он уже подготовил указ о снятии тебя с должности. Но если ты отдашь ему эту землю, которую иностранцы смотрели сегодня и на которой стоит твой дом, то он просил меня передать, что он изменит решение.

* * *

Было уже часов десять вечера, когда поток гостей несколько иссяк, и Кирилл оказался наедине с Кемировыми в огромной гостиной, где в круглом аквариуме плавала маленькая акула. Прямо над акулой на стеклянном постаменте, стоял огромный старинный Коран. Заур Ахмедович представил Кириллу двоюродного дядю своей матери.

– Это новый прокурор республики, – сказал Заур.

– А что случилось со старым? – спросил Кирилл.

– Он подал заявление об отставке, – ответил Заур.

– Я слышал, – осторожно сказал Кирилл, – что Джамал обещал ему отрезать уши, если он этого не сделает.

Заур улыбнулся, а Джамалудин сказал:

– Мало ли как язык повернется в споре.

– Но я слышал, что ты исполнил угрозу буквально.

Глаза Джамала угрюмо сверкнули.

– Ты в чем меня обвиняешь, а? Ты меня при прокуроре в преступлении обвиняешь? Если б я это делал, закон бы со мной разобрался!

Кирилл вспыхнул до ушей. «Спокойно, – подумал Кирилл, – я – иностранный консультант. Я приехал сюда оказать техническую помощь. Я – механик, который должен исправить засорившийся инжектор „мерса“. Это не мое дело – кого в этом „мерсе“ возят в багажнике».

Новый прокурор распрощался и вышел, видимо, расследовать преступления, и Кирилл сказал:

– Неделию назад меня пригласили в Кремль. К Семену Семеновичу Забельцыну. Там от меня потребовали отказаться от сделки. Семен Семенович сказал, что выполняет поручение президента. И обещал заложить меня, как международного террориста.

Джамалудин и Заур переглянулись, а Хаген, расслабленно лежавший в кресле, подобрался, как кошка, завидевшая собаку.

– И что ты думаешь? – спросил Заур.

Свет от распластанного по потолку плафона был золотисто-темный, как липовый мед, акула лениво плыла через отражение Корана, и фигуры Хагена и Джамалудина тоже плыли в стекле, как изломанные черные прутья, стустки тьмы у спинок кресел.

– Я думаю, что это блеф, – спокойно сказал Кирилл, – и сделка одобрена на самом высоком уровне. Поэтому наш разговор – это личная инициатива Семена Семеновича. Проблема заключается в том, что даже если Семен Семенович не сможет заполучить долю в проекте, он сможет его уничтожить. Это уже для него победа, потому что тогда все другие, кто увидит наш проект уничтоженным, испугаются и будут делиться с Семеном Семеновичем, чтобы он не уничтожил их проекты. Мы и Забелцын – в неравных условиях. Нам нужен мега-комплекс. А Забелцыну достаточно победы. Поэтому я считаю, что вам, Заур Ахмедович, надо договориться. И найти компромисс. Но, конечно, это должны делать вы, а не я.

По ту сторону огромной гостиной потрескивал камин, и над головой президента республики парил в полутьме огромный портрет его предка Амирхана Кемирова. Амирхан Кемиров никогда в своей жизни не шел на компромисс. Говорили, что когда восемьдесят лет назад красного шариатиста Кемирова отозвали в Москву, он во время намаза расстилал коврик прямо на заседаниях Совнаркома.

– Что скажешь, Раджаб? – спросил президент республики самого младшего участника разговора.

Начальник АТЦ презрительно тряхнул белокурой челкой.

– Я не умею давать долю, – сказал Хаген, – я умею ее забирать. Если мы дадим им долю, они решат, что это знак нашей слабости, а если они решат, что мы слабы, они влезут и заберут все.

– А ты, Джамал?

Младший брат президента сидел неподвижно, посверкивая рысьими глазами, и Коран парил на стеклянной колонне над его головой.

– Если бы я умел договариваться, – сказал Джамалудин, – тебя бы похоронили в Чечне.

По ту сторону окна пыхнул язык пламени, и со двора донеслись гортанные мужские голоса. Сегодня, в третий день праздника, в резиденции президента зарезали еще пятьдесят баранов, и мясо их раздавали всем желающим.

– Я не отдам им ничего, – негромко, но властно сказал Заур Кемиров. – Кирилл Владимирович, вы с этого дня ездите только с охраной. А насчет того, что они вас заложат, это вряд ли. Они скорее вас пристрелят.

Заур встал. Кирилл с удивлением подумал, что Магомед-Расул Кемиров не присутствовал на встрече. А ведь он был директор «Аварнефтегаза» и родной брат Заура.

* * *

Магомед-Расул Кемиров был младше Заура на два года и старше Джамалудина на тринадцать лет. Он был самым образованным из братьев, потому что он закончил Педагогический институт в 1976 году и Высшие партийные курсы в 1980, и однажды, когда он был главой партячейки Бештойского машзавода, его вызвали в Торби-калу.

Магомед-Расул Кемиров ждал этого вызова. Он знал, что его вот-вот назначат секретарем обкома по идеологии, потому что Заур заплатил за это немалые деньги. Однако вместо приказа о назначении Магомед-Расула встретил следователь из Сибири.

– Ваш брат, – сказал следователь, – наладил на заводе подпольное производство. Пользуясь родственными и служебными связями, зарабатывает сотни тысяч рублей, коррумпирует городскую верхушку, держит на побегушках воров и прокуроров!

– Ах он негодяй! – вскричал Магомед-Расул. – Он опозорил наш род. Наш прадед Амирхан Кемиров установил в этом городе Советскую Власть, а он занимается такими делами! Завтра же на парткоме мы поставим вопрос, чтобы исключить подлеца из партии!

На семейном совете в тот же вечер Магомед-Расул рассказал, как он горой стоял за Заура. Было решено, что Зауру следует выйти из партии, чтобы не подставлять брата. Дело тогда в конце концов замяли, но Магомед-Расул был очень обижен на Заура, что тот его подвел. Он никогда не забывал, что из-за делишек Заура он так и не стал секретарем обкома. Когда началась перестройка, и Заур захотел легализовать свой бизнес и открыл ресторан, Магомед-Расул был категорически против.

– Наш род – уважаемый род, – сказал Магомед-Расул, – наш прадед Амирхан Кемиров презирал торговцев, и говорил, что они не нужны ни при коммунизме, ни при шариате! Ты кто – аварец или армянин?

Но несмотря на эти слова, Заур все-таки открыл ресторан, а потом он выкупил Бештойский завод и стал делать там мини-установки для переработки нефти. А Магомед-Расулу он купил должность министра культуры, потому что Заур всегда заботился о семье.

Однажды Магомед-Расул сидел в какой-то кафешке, когда к нему подошел чеченец. Чеченца звали Бувади Хангериев, и он был влиятельным полевым командиром. Они поговорили о том, о сем, и Бувади попросил свести его с Зауром Кемировым, потому что Бувади хотел купить у Заура парочку этих самых мини-установок, которые тот монтировал на шасси «Уралов».

– Э, зачем тебе Заур? – сказал Магомед-Расул, – это ведь я распоряжаюсь заводом. Просто из уважения к старшему брату я всегда ставлю его впереди. Поэтому отдай деньги мне и забирай «Уралы».

Чеченец отдал деньги Магомед-Расулу, а спустя несколько дней прислал людей за «Уралами», но так получилось, что «Уралов» ему не отдали. Ведь Заур не знал, что деньги были заплачены. Когда Бувади услышал, что «Уралов» не будет, он и его люди повыхватывали стволы, но охрана завода оказалась быстрее, и вышло так, что гостям намяли бока и выкинули их вон. Заур не придал значения этой истории; ведь завод пытались взять под крышу все, кому не лень, и каждая вторая попытка начиналась с крика: «Где „Уралы“, за которые я заплатил?»

Через месяц после этой истории Заура украл.

Джамал Кемиров вернулся в Бештой и расспрашивал о краже то одного чеченца, то другого, и одному из тех, кого он расспрашивал, отстрелили половину пальцев, а другого и вовсе чуть не убили. Магомед-Расул был очень возмущен таким поведением Джамалудина.

– Мы живем в правовом обществе. – говорил он. – Нашим делом занимаются во всех структурах! Мы подключили к этому даже замглавы ФСБ. А ты ведешь себя, как бандит!

В конце концов Джамалудин дознался, кто украл Заура, и оказалось, что это был Бувади Хангериев. Заур вернулся домой, отошавший, бледный, похудевший на тридцать килограмм, и первое время Магомед-Расул был страшно испуган, что кто-нибудь из них, Заур или Джамалудин, дознались об истории с Бувади, но видимо Бувади убили до того, как он заговорил, а может, это и не имело значения.

Когда Заур стал мэром Бештоя, он купил Магомед-Расулу должность ректора Торби-калинского государственного университета. Из убежденного коммуниста Магомед-Расул стал набожным человеком и каждую пятницу ходил в мечеть. Теперь Магомед-Расул не любил вспоминать, как красный шариатист Кемиров устанавливал советскую власть в Торби-кале. Зато почти все свои застольные речи Магомед-Расул начинал так:

– Наш предок Амирхан Кемиров делал намаз на заседаниях Совнаркома.

Магомед-Расул постоянно сетовал на падение уровня образования среди молодежи. Он объяснял это оскудением нравственности, и брал деньги за поступление в университет.

Когда Заура назначили президентом, он поручил Магомед-Расулу «Аварнефтегаз», так как он не мог допустить, чтобы про него говорили, будто он ни во что не ставит родственников. Это считалось неприличным в республике, если человек забывал о родственниках и не помогал им. Магомед-Расул был не очень-то доволен этим назначением, потому что он рассчитывал стать председателем парламента.

* * *

Заур не забыл распорядиться: когда Кирилл проснулся и вышел из гостевого домика, на дорожке, возле длинного бронированного «мерса», улыбались два охранника в камуфляже.

Кирилл узнал в них близнецов Абрека и Шахида. Два года назад эти ребята уже охраняли его. Тогда они были похожи как две капли воды: черноволосые, оливковокожие, с веселыми глазами, бегающими, как грачи, и влажными пухлыми губами над еще не успевшими обрасти подбородками. Они и сейчас были ушко в ушко, ресница в ресницу, но только уже никто не спутал бы Абрека с Шахидом: у Абрека было две руки, а у Шахида после Красного Склона осталась одна.

Впрочем, Шахид управлялся с ней с невиданным проворством, как иной не управляется и с десятию, и Кириллу в дальнейшем не раз приходилось видеть, как Шахид одной рукой держится за руль, переключает коробку скоростей и одновременно ухитряется посылать смски.

Они обнялись, и Кирилл сказал, что он хотел бы съездить в Бештой.

За полтора года город прирос особняками и магазинами. На пустыре за центральным рынком рабочие перекрывали стеклянную крышу супермаркета, но на самом рынке по-прежнему царили толчея и гам. У входа висели черные футболки с портретами Джамалудина. Кирилл вдруг сообразил, что неплохо бы обзавестись местными сим-картами, и Абрек, осязаясь, объяснил, что с сим-картами очень сложно, потому что ввиду террористической угрозы сим-карты по распоряжению ФСБ выдают только в сертифицированных центрах после недельной проверки личности заявителя.

Что же касается Шахида, то он открыл окно машины и что-то крикнул, и через минуту к «мерсу» сбежалось человек пять, которые на выбор предложили Кириллу штук двадцать симок, уже зарегистрированных и оформленных. Кирилл выбрал одну, которая, судя по документам, принадлежала стодевятилетней жительнице высокогорного села Хуш, Патимат Ахмедовне Исмаиловой.

Рынок был как горное ущелье, в которое хлынула вода. Люди то и дело здоровались с Шахидом и Абреком, с любопытством оглядывались на хорошо одетого федерала; Кирилл поколебался и, миновав овощные ряды и диковинную автолавку, на которой красовалось объявление: «любые документы на машину в три дня» прошел в дальний сектор, туда, где когда-то в обширное тело крытого павильона был вделан маленький магазинчик мужской одежды.

Магазинчик оказался на месте; в нем все так же висели вполне достойные пиджаки и пуловеры известных марок, а в женской секции стоял манекен в черной кофте, расшитой стеклярусом, и синем платке.

За прилавком скучала полная чеченка лет пятидесяти. Улыбающееся ее лицо оборотилось было к покупателю, но окаменело, когда она увидела входящих вслед за Кириллом близнецов.

Шахид прислонился к притолоке, звякнув наручниками о косяк, а Кирилл побродил по магазинчику, и, чтобы скрыть смущение, снял с вешалки большой бело-голубой свитер. При виде денег, которые русский достал из кармана, глаза продавщицы чуть оттаяли.

– А здесь хозяйка была, Диана, – внезапно спросил Кирилл. – Она тут?

Лицо продавщицы схлопнулось, словно створки устрицы.

– И мальчик, Алихан. В коляске. Операцию сделали?

Продавщица, отсчитывая сдачу, ошиблась не в свою пользу и сунула свитер в плотный черный пакет.

– Диана сейчас в селе, – внезапно сказал Шахид, когда они садились в машину. – В Старом Тленкое.

Прямо напротив места, где они припарковались, в стеклянной витрине красовались белоснежные платья невест. В Бештое вообще было много магазинов для новобрачных.

– А давай-ка съездим в Тленкой, – сказал Кирилл.

* * *

Вереница машин на въезде в Тленкой была как пробка в час пик. Бронированный «мерс», пыля, обошел их по обочине, и уперся в причину затора. Посреди дороги стоял «москвич» с подвязанным веревочкой багажником, и водитель «москвича» скандалил с федеральным патрулем, обосновавшимся возле пересекавшего ущелье моста.

Патруль хотел обыскать «москвич», а водитель возражал. В патруле было пять солдат внутренних войск и БТР. Водитель был чеченец лет двадцати, худой, высокий и злой, а его пассажир был года на два старше. Если бы чеченцев было только двое, солдаты наверняка обыскали «москвич», но так уж получилось, что вслед за «москвичом» подъехала одна машина, и вторая, и теперь федералы были окружены плотным кольцом недовольных людей.

– В чем дело? – спросил Шахид, вылезая из «мерса», и все люди, как по команде, замолчали и уставились на однорукого горца из личной охраны Кемировых, а при виде Кирилла загомонили еще сильнее.

– Да вот... досматривают... праздник, а они туда же! В свое село, как за границу, то открой, это покажи...

Кирилл, вышедший из машины, с сомнением косился себе под ноги. Он видел в жизни многое, но он впервые видел дорожное покрытие из голландского сыра. Во всяком случае, если это был и асфальт, то дыры в нем были как в сыре.

Шахид, стоявший ровно посередине между федералами и чеченцами, пристально рассматривал парня.

– Слушай, – сказал внезапно сказал Шахид, – а в прошлом году во Владике, это не ты Адама отправил в нокаут?

– Я, – сказал чеченец.

– Так у тебя тетка замужем за Рустамом!

Чеченец расплылся в улыбке.

– А к кому едешь?

Чеченец назвал фамилию.

– О! И мы туда же! – обрадовался Шахид и, повернувшись к сержанту, сообщил: – Слышь, пропусти его. У него тетка замужем за Рустамом.

Патрульный был видимо рад любому приказу. БТР послушно отполз с дороги, и пробка стала рассасываться. «Москвич» пополз по мосту из голландского сыра и запетлял по горному селу.

Каменные мостовые переходили в земляные крыши, крыши – в стены, а стены – в крошечные террасы, где за сеткой-рабицей томилась провисшая под тяжестью урожая хурма. Клочок случайного облака плавал вокруг каменных пальцев скал, и гора по ту сторону ущелья тоже была вся разлинована узкими, в полтора-два метра террасами, с которых за века был выбран каждый камешек. Труд поколений превратил гору в лестницу, по которой деревья поднимались к небу.

Минут через пятнадцать они остановились у каменной стены с резным медальоном над входом. Медальон был украшен арабскими буквами и арабскими цифрами. «Москвич» посигналил, и молодой чеченец, тетка которого была замужем за Рустамом, выбрался из машины. Вышли и Кирилл с Шахидом.

Чеченец стоял, по-кошачьи пригнувшись и держа руки в карманах, и глядел на незваных гостей черными взъерошенными глазами. Попахивало мочой и мусором, под ногами прямо по мостовой шумела вода, вороша обрывки пластикового сора, и Кирилл внезапно понял, что во время дождей эта, нижняя, часть села должна превращаться в гигантский водопад, а дорога – в каменное ложе ручья, в который рушится сверху набирающий силы поток, родившийся из разбившейся о гребень горы тучи. Иные булыжники были выворочены, как ломом, и брошенный дом внизу уже рассыпался грудой серых камней, в которых копошились пестрые куры.

Солнце еще только ползло к зениту, от забора ползла длинная тень, и прямо напротив рассыпавшегося дома, у хлебной лавочки играли в нарды мужчины. При виде подъехавших машин они бросили игру.

Молодой чеченец стоял, не шевелясь, и Кирилл внезапно сообразил, что визит русского коммерсанта в село на Уразу-Байрам будет обсуждаться всеми жителями ближайшие два года. Это будет куда более интересный предмет разговоров, чем если в село заедет БТР и снесет пол-улицы с обитателями. В конце концов, БТРы в селе бывали, а вот русские коммерсанты – вряд ли. Может быть, иногда их привозили сюда в багажнике, но это было совсем не то.

Кирилл подумал и протянул ему визитную карточку. На карточке было написано:

Cyril V. Vodrov

Bergstrom East Europe

Managing director

– Ты что, английский шпион? – спросил чеченец.

В эту минуту дверь в каменной стене отворилась, и в ней показалась девушка в черном платье и черном платке. Она замерла, увидев тяжелый «мерс» и автоматчиков.

– Диана, – сказал Кирилл, – я Водров. Кирилл Водров. Помните, Ташов когда-то... меня возил. Я... как ваш брат? Ему сделали операцию?

Черная женская фигурка стояла перед ним, освещенная полуденным солнцем, и она была в точности такая, как помнил ее Кирилл: белая, словно светящаяся изнутри кожа, и черные провалы огромных глаз. На фотографии никто бы не мог назвать это лицо особенно красивым. Оно было круглым и очень белым, с крупными правильными чертами и чуть пухловатым подбородком, типичным для чеченки, и посередине лба уже легла крошечная морщинка, удивительно ранняя для двадцатилетней девушки. Даже и нельзя его было назвать живым, Диана почти не улыбалась и не поднимала глаз на мужчин. И все же оно притягивало, как магнит. Кирилл видел такое на Камчатке: кипящий гейзер, покрытый ровной пленкой льда.

Диана стояла и смотрела очень ровно, на худощавого сорокалетнего федерала в пиджаке и галстуке, и на стоящих за ним личных друзей Джамалудина, с пистолетами на витых телефонных шнурах и блестящими кольцами наручников, подвешенных к поясу. По ее лицу ничего нельзя было прочесть, как по строгой папке с казенным номером нельзя угадать содержания.

– Здравствуйте, Кирилл Владимирович, – сказала девушка ровным, чуть тихим голосом, – мой брат ходит, слава Аллаху. Заходите.

* * *

Дом, в котором жила Диана, был хорош и слишком велик для такой небольшой семьи: двухэтажный каменный сундук с широким крыльцом и надписью «1998» под массивной стрехой. Чувствовалось, что он был построен в то время, когда этот род был куда больше, и когда на крыше этого дома пели азан, призывая бойцов к молитве, а в подвале сидели пленники, на деньги с которых кормили бойцов.

Второй дом на участке оброс сарайками, туалетом и курятником, и было видно, что в нем уже никто не жил. Во дворе играли пять или шесть ребятишек, и когда они увидели Кирилла, они сразу сбились в кучу и замолчали.

В доме, в маленькой гостиной, где над телевизором висела красивая черно-золотая картинка с изображением Каабы, был накрыт стол для гостей, и Кирилл сел за стол со своими охранниками, а молодые чеченцы сели напротив.

Дети тоже зашли в дом. Они остановились у порога и стали глядеть на Кирилла, любопытно и зло, как хорьки, в норку которых заплывала камбала, а потом один из мальчиков, лет десяти, подошел к Шахиду, засмеялся и что-то сказал. Шахид тоже засмеялся, поднял единственную руку, и они шлепнули ладошками друг о друга, и когда они это сделали, Кирилл увидел, что у мальчика тоже нет одной руки. Вместо нее был короткий обрубок чуть ниже локтя. Два горца засмеялись снова, и снова хлопнули в ладоши.

– Что он сказал? – спросил Кирилл у молодого чеченца.

– Он сказал, – ответил чеченец, – что иметь одну руку очень хорошо. Что на человека с одной рукой никогда не наденут наручники.

Мальчик посмотрел на Кирилла лукаво и расхохотался.

Вскоре молодые чеченцы и аварцы необычайно развеселились. Они обсуждали тетку, которая была замужем за Рустамом, чемпионат мира по вольной борьбе и козни спецслужб США, азартно вскрикивали и хохотали. Кирилл не хохотал, потому что не был специалистом ни в одном из вопросов.

Гости уходили и приходили; некоторые смотрели на Кирилла с нескрываемым любопытством, как зимой на вьюжной московской улице прохожие посмотрят на папуаса, отплясывающего по Тверской в набедренной повязке и с ожерельем из раковин, и Кирилл понял, что слух о его приезде прошел по селу, и всяк живущий в нем человек торопится посмотреть на диковину в галстук. Диана появлялась на несколько секунд, чтобы поставить на стол жижиг-галныш или свежий дымящийся чай.

Мальчики бросили дичиться и обступили Кирилла, как невиданную игрушку. Тот, который был без руки, оказался Хас-Магомед, а второй, помладше, был Саид-Эмин. Они жили вместе с Дианой, потому что их прабабка Айсет была сестрой бабке Дианы, и между ними и Дианой в роду не осталось никого. Айсет тоже жила в доме, но последнее время редко вставала.

– А что случилось с соседним домом? – спросил Кирилл.

Мальчики не очень хорошо понимали по-русски, и Кирилл повторил вопрос еще раз, медленно, старательно выговаривая вдруг ставшие чужими звуки родной речи.

– Их отселили, – проговорил за спиной Кирилла звонкий твердый голос.

Кирилл обернулся.

Он не видел Алихана полтора года, с тех пор, как тот сидел в инвалидном кресле в маленьком магазинчике, вечно склоненный над каким-нибудь учебником, и с тех пор мальчик встал на ноги, но, казалось, нисколько не вырос и не окреп. Лицо его было полупрозрачным, как акварель, свитер висел, как на швабре, и только глаза его, черные и круглые, как донышко закопченного патрона, занимали пол-лица и рассматривали Кирилла в упор.

– Их отселили, – повторил Алихан.

– Как отселили?

– Очень просто. Собрался сход и постановил, что они вахи и пусть убираются из села.

Алихан вскинул голову и добавил:

– Если бы их не отселили, за ними бы пришли люди Джамала. Никому не нравится, когда в село приходят люди Джамала.

Шахид, игравший с Хас-Магомедом, резко обернулся, и глаза его опасно сузились. По счастью, в этот момент вошла новая порция гостей. Один из них, подросток лет семнадцати, тащил потрепанный ноутбук. Мальчик быстро заговорил по-чеченски, то и дело косясь на русского, и Кирилл сначала удивился, что в чеченской речи так много английских слов, а потом догадался и спросил:

– Алихан, ты чинишь компьютеры?

– Он все чинит, – ответил с гордостью один из стариков, – компьютер чинит, телевизор чинит, космический корабль дай, тоже починит. Эй, Алихан, покажи человеку, как ты умеешь чинить.

Алихан взял ноутбук, повернулся и пошел наверх, и Кирилл пошел за ним.

В комнате Алихана все было бедно, но чисто. На столе стоял очень старый компьютер, с крошечным экраном, и из раскрытой консоли висела лапша проводов, разъемов и плат. Стены были оклеены портретами. Не все портреты были знакомы Кириллу, но те, что были знакомы, не вызывали у него особенного восторга.

Гнетущая атмосфера комнаты давила на Кирилла. Он никогда не испытывал ничего подобного с Джамалудином или Зауром. Он мог негодовать на Джамала, ужасаться ему, бояться, наконец, – но он никогда не чувствовал себя виноватым перед Джамалом. Оптом, в кредит. Русские не ссылали родителей Джамалудина. Они не загоняли их в теплушки, как скот, они не сносили их села, не расстреливали их женщин и не убивали мужчин, – и сам Джамал никогда не резал русских ушей.

Здесь, в каменном доме, построенном на деньги, уплаченные за смерть его соплеменников, Кирилл опустил глаза, как будто даже вещи кричали ему «кяфир», – и когда он их поднял, он встретился с совершенно неподвижным взглядом Алихана. В выражении этих глаз не ошибся бы самый тупой городской. Если Кирилл задыхался от чувства вины, то Алихан задыхался от ненависти.

Потом Алихан молча отвернулся и включил компьютер. Левая ладонь мальчика была замотана каким-то несвежим бинтом. Клавиши под быстрыми пальцами щелкали, как метроном.

Кирилл подошел к окну и выглянул наружу. По ту сторону ущелья горы стояли вертикально, как ракеты на стартовом столе.

– Это правда, что ты был там? – вдруг спросил Алихан, – на Красном склоне?

– Да.

– И как это было – в бою?

– Жутко, – честно признался Кирилл. – Мне было так страшно, что я не понимал, это сон или нет. Я ведь был в бою первый раз. И как-то больше не собираюсь.

Черные глаза мальчика отражались в экране с надписью System failure.

– А что у тебя с рукой? – спросил Кирилл.

– Так. Одна история в Сети.

– Какая история?

– История про воина по имени Муций Сцевола. К его городу подступили враги, и они должны были убить всех мужчин и женщин. И тогда он вышел к ним и положил на жаровню с углями свою руку, в доказательство мужества. И враги, окружившие город, изумились такому духу и отступили. Только он не чеченец был, этот Муций, а римлянин.

– И при чем тут твоя рука?

– Что я, хуже какого-то римлянина?

«Вот тебе и плоды образования». Что этот мальчик еще вычитает в мировой истории? Как монголы вырезали осажденные города? Как Гитлер топил печки евреями?

– Я решил, что когда меня возьмут русские, – сказал мальчик, – я не буду дожидаться пыток, как овца. Я сам суну руку в жаровню, чтобы они видели, что такое дух.

«А тебя уже есть, за что брать?»

– Тебе не нравятся мои слова?

Кирилл помолчал. Алихан выключил компьютер, и ловкие пальцы мальчика потрошили его, как кухарка рыбу.

– Видишь ли, Алихан, – сказал Кирилл, – здесь в этой комнате много портретов людей. Наверное это были храбрые люди. Но они почти все мертвы, и перед смертью они принесли много зла невиновным людям, и в общем-то не сделали ничего хорошего своему народу.

– Они воины, – презрительно сказал Алихан.

На старой тахте лежал вчетверо сложенный молитвенный коврик, и Кирилл вдруг подумал, что мальчику, с его позвоночником, особенно трудно пять раз в день вставать на колени и кланяться. Кирилл не любил кланяться никому. Ни людям, ни богу.

Кирилл присел на ручку тахты, стараясь не задеть ни коврика, ни разложенного повсюду радиотехнического барахла.

– Знаешь, – сказал Кирилл, – однажды на свете было государство, которое очень любило воевать. Оно называлось Советский Союз, и на его гербе был изображен весь земной шар, в знак того, что борьба СССР против буржуев окончится только тогда, когда последняя Советская Социалистическая Парагвайская республика войдет в лоно СССР. Чтобы воевать, это государство построило огромные заводы, которые производили танки и самолеты, и другие заводы, которые производили сталь, из которой делали танки и самолеты. Чтобы было кому водить танки, это государство согнало людей в колхозы, потому что тракторист – это тот же танкист, а тех, кто не хотел идти в колхозы – убило. Это государство так хотело воевать, что оно убило десятки миллионов, только чтобы те, кто остался в живых, знали, что жизнь их ничего не стоит, и все равно, где ее истратить – в лагере или на войне. Это государство уничтожило русских крестьян, оно уничтожило русскую интеллигенцию и русское дворянство, некоторых оно уничтожало сословиями, как крестьян, а некоторых – целыми народами, как чеченцев. И вот, даже к концу жизни этого государства девяносто процентов его промышленности работало на войну, и те заводы, которые не производили танки или сталь для танков, а делали, например, макароны, даже макароны штамповали калибра 7,62 мм, чтобы во время войны штамповать гильзы.

Но самое удивительное то, что хотя это государство называло всех, кто вокруг, своими врагами, те, другие государства – они не особенно с ним враждовали. Конечно, их политики понимали, что война может быть, и генералы их составляли оперативные планы, но в общем-то окружающий мир не заикливался на этом. Он жил, рожал, любил, созидал, и продавал СССР военную технику и военные заводы и даже, как ни странно, половину сталинских заводов спроектировал именно он.

В начале всей этой речи Водрова Алихан разбирался с компьютером. Он подсоединил материнскую плату к какому-то стенду, протестировал ее и вставил обратно, и теперь пальцы его танцевали по клавиатуре, и в такт им по черному дисплею ползли белые строчки. Потом строчки исчезли, чечененок сидел молча, посверкивая глазенками, и по позе его было ясно, что он-то на месте Запада не продал Сталину ничего, кроме веревки, чтобы повеситься.

– Даже когда советские НИИ прогнали, а села – обезлюдели, Запад продавал нам зерно и покупал у нас нефть, а мы в это время рассказывали, как мы сейчас свернем шею империализму и какие у нас передовые технологии. И вот, когда прошло целых семьдесят лет, пришел человек по имени Рональд Рейган, и сказал: «как – эти люди говорят, что мы им враги»? «Как – эти

люди называют свои технологии – наилучшими, а сами покупают наши машины на деньги, вырученные от продажи сырья?» И Рональд Рейган увеличил расходы Америки на вооружение, и Советский Союз сразу не смог угнаться за ней, потому что Советский Союз к этому времени тратил на вооружение девяносто процентов доходов и не мог тратить сто восемьдесят. Рейган снизил цену на нефть, и нам не на что стало покупать зерно. Если бы Советский Союз был всем тем, чем он называл себя, он бы даже не заметил этих мер, но Советский Союз был тем, чем он являлся, и он рухнул. Так получилось, что государство, которое хотело воевать, и семьдесят лет готовилось к войне, и только и говорило о том, как оно одолеет врагов, исчезло с карты мира, а другое государство, которое любило, строило, изобретало, – одержало над ним победу, даже не применяя оружия.

Алихан щелкнул клавишей, и экран налился нежно-голубым светом. Начал грузиться Windows.

– Если ты хочешь победить Россию, – сказал Кирилл, – ты этого добьешься не тогда, когда взорвешь мента в «газике». Ты этого добьешься тогда, когда на этой машинке вместо слов hewlett packard будет написано – «сделано в Ачхой-Мартане».

Повернулся и вышел.

* * *

Кирилл Водров ушел вниз, и Алихан смотрел из окна, как кяфир топчется по двору, оглядываясь в поисках сортира. После этого Алихан спустился в гараж. Там уже хлопотали два молодых чеченца, те самые, которые отказались дать осмотреть багажник своего «москвича». У Алихана гараж был при доме, а сортир – во дворе, как и полагается на Кавказе.

Они разгрузили багажник и ушли во двор, а Алихан, вместо того, чтобы подняться наверх, залез в раскрытый створ багажника и захлопнул его за собой. «Москвич» был такой старый, что кузов поела ржа, и сквозь некоторые дырки можно было смотреть. Алихан приставил глаз к одной из дырок, но в гараже было слишком темно.

Вскоре водитель вернулся и вывел «москвич» из гаража, но далеко он не уехал: выезд загораживал черный «мерс» кяфира. Водители посоветовались и пошли в дом, не желая привлекать к себе внимание. Алихан сидел тихо, как мышь.

Через полчаса послышались шаги, и Алихан увидел, что Диана вышла во двор, и кяфир идет за ней, как селезень за уточкой, и что-то воркует. Лицо мальчика вспыхнуло, и тонкие руки сжались в кулаки.

В этот момент Диана остановилась подле машины, и Алихан услышал, как кяфир спросил:

– А что с Алиханом? Он выглядит нездоровым.

– Врачи говорят, это из-за позвоночника, – сказала Диана.

– Какие в Бештое врачи? Хотите, я договорюсь об обследовании в Москве?

Сестра сказала «да», и кяфир сел в броневику и уехал.

Вскоре тронулся и «москвич». Машину немилосердно трясло, в багажнике мерзко пахло, и от едкой мути Алихан расчихался. По счастью, за мотором это было не слышно. Пару раз «москвич» останавливали на блокпостах, но багажник не открывали. Это было бы очень глупо, если б на блокпосте открыли багажник. Алихан знал случай, когда на блокпосте однажды остановили ворованный джип, а в багажнике джипа лежал человек. Менты заметили, что номера перебиты, и затащили машину к себе. Но люди, которые ехали в джипе, вызвали подмогу, и та сумела потихоньку переложить человека из одного багажника в другой, а за угон эти люди потом откупились. Это была не совсем та история, которая угрожала Алихану, но это была забавная история.

В общем, «москвич» ехал часов пять, то в одно село, то в другое, и уже глубокой ночью они заехали в чей-то гараж, и Алихан услышал, как хлопнула дверца машины, и над багажником заговорили возбужденные голоса.

Голоса были не те, что нужны Алихану, и он лежал себе тихо, свернувшись за пустой дерматиновой дверцей, когда водительская дверца снова хлопнула, и четкий голос произнес:

– Поехали.

И тут нехороший запах снова достал Алихана, и мальчик чихнул.

В гараже мгновенно воцарилась ледяная тишина, что-то звякнуло, клацнуло, а потом чей-то голос крикнул:

– Нет! – и крышка багажника над Алиханом распахнулась.

– Вылезай, – коротко приказали по-русски.

Алихан осторожно высунул голову из багажника и увидел, что слева от машины стоят три человека, и автоматы в их руках направлены на багажник. В ту секунду, как он показал голову, сильная рука ухватила его за ворот и поставила на пол рядом с машиной, а один из автоматчиков, самый молодой, немногим старше Алихана, выругался и спросил:

– Ты что здесь делаешь?

Алихан сел на землю (это пришлось сделать, потому что ноги у него затекли и были никуда не годны), и сказал:

– Я хочу говорить с Булавди.

Автоматчики переглянулись, а молодой чеченец, бывший за рулем машины, пожал плечами и недовольно сказал:

– Какой-такой Булавди? Езжай домой, Алихан, твои сестра и бабушка, наверное, уже места себе не находят.

Алихан не двинулся с места, и водитель снова протянул руку, чтобы затащить его в машину, но в эту минуту в гараже хлопнуло, и поперек желтушного пятна от лампочки легла изломанная тень.

– Это кто хочет со мной говорить?

Алихан обернулся. На цементном приступке, ведущем из гаража, стоял Булавди Хаджиев.

* * *

Булавди Хаджиев тоже был среди людей, висевших на стене в комнате Алихана. Он висел справа от своего дяди Арзо. Там Булавди был высокий молодой красавец, с точеными чертами смуглого лица, с черными, чуть рыжеватыми кудрями, кровь с молоком и Орден Славы на молодецкой груди (Орден Алихан старательно свел фотошопом).

За два с половиной года, прошедших после Красного Склона, Булавди решительно изменился. Волос поубавилось, борода, наоборот, отросла. Щеки впали. Лицо из смуглого стало желтым, лимонным, видимо выдавая тяжелую болезнь, тело – худым, и черная куртка – обтрепанной. Глаза глядели, как рысь из капкана. Он ничем не напоминал тех боевиков середины 90-х, упитанных, рослых, завидных женихов, к которым сбегалась половина села, когда они спускались с гор передохнуть; это был загнанный зверь, не доверяющий никому в республике, напичканной предателями и агентами. Он выживал, несмотря на охоту, объявленную на него Джамалудином, но выживать было все трудней.

– Это кто? – спросил Булавди.

– Это Алихан, сын Исы, брата Мовсара, – ответил один из чеченцев.

Но Булавди уже и сам видел, что это Алихан. Тленкой был родным селом Булавди, и Булавди помнил мальчика еще семь лет назад, когда Мовсар справлял свадьбу. И, конечно,

Булавди очень хорошо знал историю Дианы и Ташова по прозвищу Кинг-Конг. Ее знали все в Тленкое, но Булавди был один из немногих, кто знал настоящую причину разрыва.

Булавди молча повернулся, и Алихан кое-как вскарабкался на ноги и пошел за ним.

Они оказались на втором этаже какого-то дома. На клеенчатом столе дулом к окну лежал автомат, и через раскрытую дверь было слышно, как в неисправном бачке течет вода. Алихан чувствовал себя не очень хорошо и пропустил вечерний намаз. Смушаясь, он объяснил это Хаджиеву, и тот молча ждал, пока мальчик привел себя в порядок и сделает все, что нужно.

Когда мальчик сложил коврик и обернулся, Булавди сидел у окна, поглаживая бороду, и перед ним дымилась большая шербатая кружка с чаем. Другая такая же кружка стояла напротив.

– Это плохо, что ты меня нашел, – сказал Булавди, – чего ты хочешь?

– Воевать в твоём отряде.

Глаза Булавди обежали заморыша. Ему было столько же, сколько Алихану, когда он ушел на войну, но это была другая война. У Алихана был дом, была сестра, и даже было дело (Булавди слышал, что сын Исы горазд мастерить электронные штучки), а когда Булавди уходил на войну, у него уже не было ни сестры, ни дома. Булавди не уходил на войну. Это война пришла к нему.

– Нет, – сказал Булавди.

– Я хочу стать шахидом.

– Почему?

Алихан заколебался. Он видел, что Булавди не хочет его брать; видимо, считает слишком слабым. Он действительно худ и слаб, но он разбирается в электронике лучше, чем кто-нибудь в отряде Булавди, а электроника – это такая вещь, что иногда одна электронная схема стоит больше, чем десять фугасов. И Алихан выдал последнюю свою, отчаянно скрываемую тайну.

– Я болен, – сказал Алихан, – я скоро умру. Я не хочу умереть в постели.

Черные глаза Булавди были как глаза затравленного волка. Внизу что-то хрустнуло, и он мгновенно схватился за автомат. Потом пальцы его разжались, он улыбнулся и сказал:

– Послушай, Алихан, сейчас не время для славы. Это время было вчера, и может быть, будет завтра, но сейчас его нет. Никто ничего не выгадает, если тебя разнесут на куски в окруженном доме, и даже если ты застрелишь какого-нибудь патрульного, толку не будет. Никто не заметит ни твою смерть, ни его. Мы попытались справиться с русскими силой и проиграли. Я слышал, ты разбираешься в технике. Если ты поступишь в институт, ты сделаешь больше, чем в лесу с автоматом. А если ты болен, сходи к врачу.

Помолчал и добавил:

– Оружие – оно как масло. Взять легко, а руки отмыть потом трудно.

– Ты говоришь совсем как русский, – сказал Алихан.

– Какой русский? – быстро спросил Булавди.

Алихан прикусил язык. Он почему-то не хотел упоминать о приезде кяфира. Но, с другой стороны, это было глупо. Наверняка этот визит будут обсуждать еще два года.

– К нам приезжал Кирилл Водров, – сказал Алихан. – Тот самый. Он теперь какой-то нефтяник. Говорят, они будут строить вышки в море.

Лицо Булавди, гладкое выше темени и обросшее волосами ниже губ, чуть напряглось. Это меняло дело. Кирилла Водрова, если он скачет по горным селам, как последний дурак, можно было украсть, и это принесло бы пять или десять миллионов долларов. Булавди Хаджиеву были нужны деньги. Воевать с деньгами – лучше, чем без.

– Возвращайся домой, – сказал Булавди, – и смотри, когда снова приедет Водров. Заведи себе отдельную сим-карту, и позвони вот на этот телефон.

Телефон, который Булавди дал Алихану, конечно, не был телефоном самого Булавди. Булавди давно не пользовался телефонами. Это было то же самое, что носить на себе маячок.

Было очень много глупцов, которые это не понимали. Они думали, что если они будут менять сим-карты и телефоны, то смогут обмануть федералов. Булавди был в бешенстве, когда узнал, что один из его ближайших помощников, Шамсаил, использовал при покушении на Хагена сим-карту, и не выбросил ее, а хранил два месяца, а потом использовал снова и попался. Глупость не имеет границ.

Булавди записывал все свои приказы на камеру и так рассылал. Встречи он назначал только через связных. Он никогда не спал на одном месте и жены своей не видел два года, – много людей ловились через жен, не меньше, чем через сим-карты.

Все это помогло Булавди выжить целых два года, хотя выжить против Джамалудина было все труднее.

– Возвращайся домой, – приказал Булавди.

Телефон, который он дал Алихану, принадлежал молодому аварцу, который занял в подполье место убитого Шамсаила. Звали этого аварца Шамиль, а фамилия его была Салимханов.

* * *

Когда Алихан ушел, Булавди спустился вниз, в гараж, где ждали двое. Они поговорили о том, о сем, а потом один из этих двоих сказал:

– Зачем ты прогнал мальчишку, Булавди? Люди к тебе приходят, а ты гонишь их прочь. Глаза Булавди слегка сузились.

– А ты бы заманил его в лес? – ответил Булавди, – ты где зимовал прошлой зимой, в яме? Откопал дырку, затарился макаронами и срал в углу? Нос боялся наружу высунуть, чтобы Джамал следы не увидел? С тобой сколько молодых было? Пять? Один умер, другого ты сам пристрелил, потому что он к маме просился?

– Мы стоим на пути Аллаха, Булавди. Даже мать не вправе отказать сыну в том, чтоб тот встал на путь Аллаха.

– Когда ко мне приходит придурок, который расстрелял трех человек за сто долларов, и говорит: «Меня мусора ищут, я хочу встать на джихад», – это, что ли, путь Аллаха? А, Шамиль? Когда к нам уходит верующий, а его убивают, и дети его остаются без отца, а жена его снимает платок и едет в Москву проституткой, – это, что ли, укрепление ислама? Когда ты тащишь детей в лес, а там для них ни оружия, ни еды, ты что, укрепляешь ислам? Ты лучших изводишь по корень!

Булавди бешено оттолкнул собеседника, сел в машину и уехал.

Глава третья

Личное дело Хагена

Сразу после Уразы-Байрама Заур Кемиров вызвал к себе главу Чирагского района и объяснил ему, что тот ушел в отставку по собственному желанию. Нельзя сказать, чтобы этот глава был особенно плохой человек, но ему было семьдесят семь лет, пятьдесят из которых он состоял в компартии, и он до сих пор на совещаниях в Доме на Холме обращался к Зауру Кемирову: «Товарищ секретарь!» вместо «Господин президент!»

Заур Кемиров решил, что руководить районом, где строят химзавод, должен другой человек. Заур боялся, что сэр Мартин Мэтьюз не поймет, если к нему обратятся со словами: «Товарищ секретарь!»

В общем, глава района ушел в отставку по собственному желанию, и Чирагский район остался без главы. И вот через пару дней после отставки главы района к Зауру Кемирову приехал Сапарчи Телаев. Он владел в районе заводиком по розливу воды и двенадцатью депутатами.

– Заур Ахмедович, – сказал Сапарчи, – вы знаете, как я предан вам. У меня есть единственная цель в жизни – помогать вам в нелегком деле подъема республики. Чирагский район сейчас без главы. Я подумал, давайте поставим там начальником Ахмеда, и он будет верно вам служить.

– Нет, – ответил Заур.

– Но почему?!

– Потому что Ахмед – муж твоей племянницы, – ответил президент республики, – и служить он будет тебе. Я поставлю в районе своего человека.

Сапарчи ушел очень обескураженный. А Заур и Джамалудин позвали начальника республиканского ОМОНа Ташова Алибаева и попросили его съездить в район и помочь там выбраться дальнему родственнику Кемировых по имени Гимбат.

Тут надо сказать, что главу района выбирал не народ, а районное собрание, в котором было двадцать семь депутатов. И вот в день, когда у депутатов было назначено заседание, Ташов взял Гимбата и двадцать человек из ОМОНа и поехал в район.

ОМОН он оставил у входа в здание, а сам поднялся с Гимбатом в зал заседаний и предложил избрать Гимбата главой района. Но вопреки ожиданиям Ташова, депутаты начали волноваться и кричать, что они не хотят Гимбата, и что это произвол и нарушение демократии.

Ташов очень удивился, когда услышал, что он нарушает демократию. Он взял одного из депутатов, который больше всех шумел, и отвел в соседнюю комнату. Там он встряхнул депутата и несколько раз потер его о стену, а когда депутат свалился мешком, Ташов соскреб его с пола и спросил:

– Почему ты говоришь, что я нарушаю демократию? И почему не голосуешь за Гимбата?

Депутат захныкал и сказал:

– Нам не велел Сапарчи. Он заплатил каждому по десять тысяч долларов, чтобы мы проголосовали за Ахмеда.

Тут Ташов понял, что дело плохо. Он велел своим омовцам подняться в зал, и они взяли депутатов, свели вниз и рассадили по джипам. После этого джипы поехали в горы. Недалеко от границы с Чечней депутатов вытащили из машин и составили в рядок на полянке со сложенными на затылок руками, а омовцы в масках стали полукругом, наставив на депутатов автоматы.

После этого Ташов снова попросил депутатов проголосовать за Гимбата, и те на этот раз проголосовали без всякой демократии. Они проголосовали совершенно единогласно, несмотря на то, что руки их были сложены на затылках.

Сапарчи, когда узнал об этом случае, был совершенно взбешен, потому что он раздал больше двухсот тысяч, и получилось, что деньги эти пропали.

* * *

Следующим был глава Алагайского района. Звали его Мухтар. Этот человек пробавлялся мелкими взятками и ходил без охраны. Бывали случаи, что он не брезговал решать вопрос за курицу или индюшку.

Мухтар очень не хотел писать заявление об отставке и долго прятался от Ташова. В конце концов его поймали где-то в ресторане. Ташов так разозлился, что нацепил на Мухтара взрывчатку и сказал, что нажмет кнопку, если тот не уйдет в отставку. Мухтар рассудил, что если кнопку нажмут, он все равно перестанет быть главой района, и подписал заявление. После этого Ташов смягчился и выдал ему сто тысяч долларов.

На следующий день, когда глава района сидел дома, к нему зашли вооруженные люди, посадили его в машину и отвезли к Сапарчи Телаеву, который в свое время оплатил Мухтару выборы.

– Как ты смел подать в отставку? – спросил Сапарчи.

Глава района оробел и сказал:

– Они принудили меня силой! Они надели на меня пояс шахида!

Сапарчи понравилась эта идея, и он приказал своим людям взять взрывчатку и нацепить ее на главу района. После этого включили телекамеру, и глава района под запись рассказал о том, как начальник ОМОНа Ташов Алибаев надел на него пояс шахида и заставил уйти в отставку.

Когда Ташов увидел эту запись, он очень рассердился. Они вместе с Хагеном поехали в район, но когда они подъехали к селу, они увидели, что на улице, ведущей к дому главы, стоят люди Сапарчи. Они были вооружены не хуже омоновцев, разве что без наручников на поясе.

Омоновцы высыпались из машин и взяли на мушку людей Сапарчи, а Ташов подошел к их главному и сказал:

– Отвали, или будешь стоять раком.

Люди Сапарчи не захотели стоять раком и расступились, но когда Ташов зашел в дом главы администрации, его там уже не было. Оказывается, за то время, пока ОМОН препирался с охраной «Авартрансфлота», глава администрации успел удрать.

– Как ты думаешь, – спросил Ташов Хагена, – куда он мог побежать?

– Думаю, что он поехал к своему брату, который живет в Ахмадкале, – ответил Хаген, – во всяком случае, это место следует проверить прежде всякого другого.

Тут надо сказать, что брат главы администрации в Ахмадкале жил не в личном доме, а в пятиэтажке. В Ахмадкале было несколько пятиэтажек, которых выстроили, когда в этом месте был какой-то секретный институт. В этот институт тогда завезли русских и немцев, и про него местные жители ничего не знали, кроме того, что в институте пьют молоко и выращивают грибы.

В общем, в начале перестройки институт опустел, а ученые из пятиэтажек куда-то разбежались. Трудно было понять, почему они не хотят жить в таком прекрасном месте, где каждое утро из окон можно было видеть красное солнце, восходящее над снежными верхушками гор, и зеленые сады на горных террасах, но так или иначе, ученые убежали, как тараканы из банки, в которой подняли крышку, а взяли ли они с собой свои грибы или нет, история умалчивает. Известно было только, что они перестали пить молоко.

А в пятиэтажки заселился местный народ.

Вот к этим-то пятиэтажкам, торчащим, как шиш на краю ущелья, и подъехали Ташов с Хагеном. Хаген расставил своих людей под окнами, а Ташов взял четырех человек и поднялся на второй этаж.

Было уже довольно поздно, пятиэтажка спала. Далеко-далеко над острыми скалами светила луна, и развалины института внизу были как лес из перекрученных балок.

Четверо с Ташовым были с оружием и в масках, что же до самого Ташова, то он был человек мирный и оружия не любил. Но когда он увидел, что перед пятиэтажкой лежит целая куча бетонных балок, центнера по два каждая, то он взял одну из этих балок под мышку и пошел с ней наверх.

Ташов поднялся на второй этаж и увидел, что на этаже всего две двери. Направо была старая, деревянная, а налево стальная, свежая. Люди Ташова передернули затворы, а глава ОМОНа размахнулся и саданул бетонной балкой по стальной двери.

В это самое время хозяйка квартиры накрывала на крошечной кухоньке стол, и она так громко стучала ножом, шинкуя капусту, что она не услышала ни шин за окном, ни ботинок по лестнице.

В гостиной смотрели телевизор; тот очень громко рассказывал об итальянской мафии.

Когда Ташов ударил по двери, дверь сорвало с петель и внесло на два метра вглубь квартиры, а за ней влетел и Ташов. И так как квартира была совершенно крошечная, то Ташов, со своей балкой, пролетел через прихожую, зацепился немножко за притолоку и влетел прямо в гостиную.

А балка вперлась в телевизор.

Телевизор взорвался и умер, а вместе с телевизором в квартире умер свет. Хозяйка на кухне отчаянно завизжала и, как была, с ножом, бросилась в гостиную.

Ташов бросил балку, и она упала на тапчечек одному из людей в гостиной. В балке было двести килограмм, но человек заорал так, как будто в ней было все четвереста. Когда человек закричал, омовцы тут же поняли, где он стоит, подскочили к нему и заломили ему руки, а Ташов повернулся к другому человеку, который сидел в кресле, взял его с креслом в охапку и выкинул в окошко, где ждали люди Хагена.

Бойцы между тем потащили к выходу второго человека, но мы уже упоминали, что этого второго немножко придавило балкой, и бойцы никак не могли вытащить его из-под балки. Человек орал, как баран под топором, а бойцам в темноте казалось, что он за что-то держится, и бойцы лущили его по ребрам, а тот орал еще больше.

Наконец они выдернули человека из-под балки и потащили к выходу, но в эту секунду хозяйка, бывшая на кухне, наконец добежала до комнаты, как была, с ножом в руке, и вцепилась в первого, кто попался ей на пути. Вообще-то она думала, что вцепляется в мужа, но она тоже спутала в темноте, и вцепилась в одного из нападающих.

– Не отдам! – орала она, – не отдам!

Боец понял, что на него напала женщина, и так как он не хотел делать ей зла, он выбил нож из ее руки, и она упала поперек прохода. Тут же она снова вскочила, и, поняв свою ошибку, вцепилась в мужа.

– Куда вы его тащите? – орала она.

Тут Ташов решил удостовериться, что они не сделали ошибки.

– Это Мухтар? – спросил Ташов.

– Какой Мухтар? – заорала баба, – нет тут никакого Мухтара!

– Это не Мухтар, – сказал один из омовцев, – наверное, Мухтара ты выкинул из окошка.

Ташов понял, что дело сделано, и уже решил уходить, но в это время снизу донесся крик Хагена.

– Эй, это кого вы выкинули? Это не Мухтар.

Тут Ташов решил, что женщина его обманывает.

– Как же ты говоришь, что не Мухтар, когда это Мухтар? – спросил он. И распорядился: – Тащите!

– Никуда он без меня не пойдет, – заявила баба.

– Тогда тащите их вместе, – приказал Ташов.

Но сделать это оказалось сложнее, чем сказать. Баба намертво вцепилась в своего мужика, и в темноте омовцы не могли разобрать, где у них ноги, где руки. В конце концов Ташов схватил хозяйку правой рукой, а хозяина левой, и так и понес их к выходу. Надо сказать, что хозяин и хозяйка вместе весили куда больше, чем бетонная балка, потому что в хозяйке только одной было сто семьдесят килограмм, а хозяин был чуть-чуть дородней, но Ташов дотащил их обоих до «лексуса» и велел хозяину:

– Лезь в багажник.

Тот хотел было лезть в багажник, но его жена вцепилась в него, как клещ, и заорала:

– Куда без меня! Никуда я тебя не пущу!

– Тогда лезьте оба! – заорал возмущенный Ташов, и бог его знает, что было бы дальше, если б в этот момент к джипу не подошел Хаген.

– Эй, – сказал Хаген, – где же глава? Это не глава.

– Нет у нас никакого главы! – заорала женщина снова, – и не надо нам этого главы, лопни глаза, брат его нам квартиру каждый день заливает!

– Да вон же глава, – сказал в этот момент один из бойцов, и все, действительно, повернулись и увидели главу Алагайской администрации. Привлеченный криком и шумом в квартире под ним, он спускался по пожарной лестнице, шедшей по торцу пятиэтажки.

Увидев, что его заметили, глава тоненько завизжал и полез наверх, но разъяренный Ташов подскочил к лестнице и выдрал ее из кирпичей вместе с ржавыми штырями и главой, и тот свалился с лестницы прямо в лапы Хагена.

Ташов и Хаген извинились перед хозяйкой квартиры за причиненное беспокойство, кинули главу администрации в багажник и уехали. Хорошо, что они вовремя разобрались, кто глава, а кто нет, потому что хозяйка квартиры вместе с хозяином в багажник бы точно не влезли.

* * *

Ташов и Хаген проехали все село и углубились в горы километров на десять. В конце концов они остановились на плотине около небольшого водохранилища. Была уже поздняя ночь; луна светила, как фара проносящегося по небу мотоцикла, и вода внизу плотины была гладкой, как стойка бара. Сверху темно-бирюзовой воды поднимались горы, похожие на зубы акулы, и такие же горы отражались в полированной глади водохранилища.

Главу администрации вынули из багажника и снова надели на него пояс шахида, а Ташов дал ему легонько леща и сказал:

– Послушай, что ты за человек? Ты что, не можешь стоять прямо, что все время вертишься, как флюгер? Разве ты не снялся по собственному желанию? Разве тебе кто-то приказывал снять кандидатуру?

– Мне никто не приказывал! – горячо воскликнул глава.

– Ну так так и скажи.

К этому времени глава администрации так привык выступать в поясе смертника, как будто родился шахидом. Он говорил в камеру бойко и без запинки, и он честно рассказал, как Сапарчи похитил его и надел на него пояс шахида, и заставил его заявить, что он ушел с должности под давлением.

Когда он кончил, Хаген задумчиво сказал:

– Лично я вижу только один способ, чтобы он не переменял показаний. Нажать на эту кнопку, и дело с концом.

Глава администрации был ужасно перепуган. Он упал на колени и закричал, что отныне его политические взгляды будут постоянными.

Ташов и Хаген отвезли его домой и забрали у него все деньги, и те, которые они дали ему, и те, которые дал ему Сапарчи. Они понимали, что если не поставить такого дурака на бабки, то он и не поймет, что совершает ошибку.

Следующим человеком, которого надо было снять, был сам Сапарчи Телаев.

* * *

Теперь надо сказать, что у главы «Авартрансфлота» Сапарчи Телаева были плохие отношения с Хагеном Хазенштайном, руководителем Антитеррористического центра. Он был не то чтобы кровник Хагену, но Хаген его очень не любил.

...Глава «Авартрансфлота» стал врагом руководителя Антитеррористического центра при следующих обстоятельствах.

Давным-давно, когда Хаген еще не имел никакого отношения к МВД, а был чемпионом мира по ушу-сяньда, у него был один коммерсант. Этот коммерсант платил Хагену не как положено, и все время норовил накопосерезить, и однажды, когда Хаген, как было обычно в четверг, зашел за деньгами, коммерсант сказал:

– Денег нет. Будут завтра.

Хаген знал людей, которые бы за такие слова пристрелили коммерсанта на месте, но Хаген был человек добродушный. Он только пожал плечами и сказал:

– Хорошо. Я зайду завтра.

Назавтра Хаген зашел и потребовал деньги, но как только он приступил к коммерсанту, откуда-то изо всех щелей, как тараканы, полез ОМОН, и Хагена повязали. Его побили, но несильно, на ринге ему доставалось крепче, а потом ему стянули сзади руки наручниками и поволокли в ОВД. Наручники, кроме как на запястья, надели еще и на большие пальцы, и затянули так, что Хагену было очень неудобно.

В ОВД за шершавым столом сидел пожилой полковник, и когда Хаген увидел гору писанины, которая лежала перед полковником, он понял, что дело его плохо. Полковник принялся шпынять Хагена и корить, а потом он пристальней в него взгляделся, и спросил:

– Сынок, да это не ты ли выиграл прошлый чемпионат России?

– Я, – сказал Хаген.

– Да что ж ты меня не помнишь, я же судил! – вскричал полковник, который в молодости своей хаживал диверсантом в Анголе.

После этого полковник подобрел к Хагену, снял с него наручники и попросил чаю, а потом он пошелестел бумагами и сказал:

– Что же у тебя приключилось с этим Сапарчи, сынок?

Хагену было неловко обманывать такого хорошего человека, он вздохнул и сказал:

– Получали мы с него, кто ж знал, что он заложит!

Тут полковник подумал-подумал и сказал:

– Этот Сапарчи нам и сам надоел своими жалобами. Он тут стоит за дверью, дай-ка ты выйди к нему и договорись, о чем сможешь.

Сапарчи и в самом деле стоял за дверью, ожидая очной ставки. Он обалдел, когда к нему в коридор вышел совершенно невредимый Хаген. Хаген взял Сапарчи за ухо и вытащил во двор ОВД, а во дворе Хаген приложил Сапарчи к штaketнику, но не до смерти, встряхнул и сказал:

– Ну что, сука, вздумал жаловаться? Не видишь, что все схвачено?

После этого Сапарчи проворно убежал через дыру в штaketине и жалобу подавать не стал.

Хаген немножко повертелся по двору. По правде говоря, ему тоже хотелось сдернуть; но он понимал, что если он сдернет, его могут объявить в розыск, и осторожность победила. Он вернулся в кабинет к полковнику, которого звали Имран, и сказал:

– Мы помирились. Он решил не подавать заявления.

Хаген хотел подарить полковнику какие-нибудь деньги, но тот решительно отказался. Впоследствии они подружились, и Имран был один из тех людей, из-за которых Хаген переменил свое мнение о милиции. До встречи с Имраном он считал, что в милиции одни гады и сволочи.

Что же касается Сапарчи Телаева, то он сделал из этой истории свои выводы. Он никогда больше не жаловался ментам, не заплатив им денег, и вообще он чаще платил киллерам, чем ментам. Он заметил, что если платишь киллеру, то он обычно делает свое дело, а вот что касается мента, то деньги-то он возьмет, но потом найдет тысячу причин свалить в кусты.

Он купил один район, а потом другой, а потом он подружился с прежним президентом республики и стал главой «Авартрансфлота». Ходили даже слухи, что по просьбе бывшего президента он несколько раз заказывал Хагена, но так это было или не так, никто не знал.

* * *

Как-то утром, в конце октября, Хаген выехал из села и увидел, что дорога впереди размыта селом, и из промоины торчит какая-то зеленая хреновина, – не то цистерна, не то бочка.

Было видно, однако, что это не фугас, потому что фугас много мельче. Люди Хагена не обратили на эту бочку внимания и поехали дальше, но Хаген был человек наблюдательный. Он послал людей на горку позади хреновины, и они пролежали там полсуток, а к вечеру они замели людей, которые пришли эту хреновину откапывать.

Эти люди были ребята из села Хагена. Двое из них были немцы, один – аварец, и еще один был сын председателя Верховного Суда республики. Председатель Верховного Суда был очень богатый человек, и было ясно, что сын с этими тремя пошел просто за компанию. Видимо, он хотел почувствовать себя мужчиной.

Что же до зеленой хреновины, то это действительно был не фугас. Это была донная мина.

Как мы уже сказали, возле Торби-калы был целый завод с минами и торпедами, и в аккумуляторах торпед было так много серебра, что за них шли настоящие бои. Но вот что до мин – Хаген еще ни разу не слышал, чтобы кого-то в республике взорвали донной миной. У него даже ногти вспухли от любопытства, так ему самому захотелось такую штуку испробовать.

Ребят привезли к Хагену, и они не очень-то запирались. Они рассказали, что каждый из них получил аванс по пять тысяч долларов, и Хаген с изумлением узнал, что, оказывается, он уже дважды проезжал мимо мины, и каждый раз сын председателя Верховного Суда нажимал на красную кнопку. Но то ли ребята перепутали провода, то ли мине чего-то не доставало без моря, а только она не взорвалась.

Заказчиком ребята называли Сапарчи Телаева.

Хаген был страшно обижен тем, что он стоит всего пять тысяч долларов. Он себя ценил как-то дороже. К тому же Хаген не очень понимал, что ему делать с киллерами. Это ведь были ребята из его села, и даже трое из них учились в той же школе, что сам Хаген. Кроме этого, они были никакие не ваххабисты, а просто людям заплатили за работу.

Короче говоря, Хаген немного постучал им по башке, а потом поговорил с ними и отпустил.

На следующий день после разговора с Хагеном киллеры сели в машину и поехали искать Сапарчи, но как-то так вышло, что Сапарчи в это время не было в Торби-кале. Он торчал в Москве на конференции по вопросам государственных инвестиций в объекты портовой инфра-

структуры. Они ездили неделю, другую, а потом Сапарчи приехал и улетел в Иран, видимо изучать инвестиции там, и когда он вернулся, прошел почти месяц. Ребята очень переживали, потому что не знали, что подумает Хаген о такой задержке.

Они ездили по городу в поисках Сапарчи и не особенно соблюдали конспирацию. Наконец однажды, когда они сидели в кафе, они увидели, как мимо проехал «хаммер» Сапарчи. Ребята схватили оружие и поехали следом.

Вот они притормозили у поворота на Асланбекова, и увидели, что дверца «хаммера» открылась, и Сапарчи пересаживается из него в инвалидную коляску.

Ребята тут же развернулись на перекрестке и поехали обратно, и старший из них вел машину, а двое немцев и сын председателя Верховного Суда приспустили окна и начали стрелять.

Первым же выстрелом они убили охранника, который пересаживал Сапарчи, но так уж получилось, что в Сапарчи они не попали. Дело в том, что у ребят это было второе покушение в жизни, а у Сапарчи – одиннадцатое, не считая того случая, когда Сапарчи без всякого покушения улетел в Чечне в пропасть и сломал позвоночник, – а согласитесь, если на тебя покушаются одиннадцать раз, это уже в некотором роде входит в привычку. Человек знает, как себя вести.

Короче, как только Сапарчи увидел, что черный джип, проехавший мимо него, ни с того ни с сего развернулся на перекрестке, Сапарчи насторожился и положил правую руку под то место на сиденье, где на маленьком кронштейне был закреплен израильский «узи».

И вот, как только ребята открыли огонь, произошло сразу несколько вещей: левой рукой Сапарчи крутанул свое кресло так, что оно полетело, словно пуля, по дороге, а правой он выхватил автомат и открыл ответный огонь.

Он стрелял так метко, что тут же попал водителю в голову, водитель потерял сознание, и джип на полной скорости въехал в столб. Тут же и коляска Сапарчи впилилась в тротуар, подпрыгнула и опрокинулась, и Сапарчи вылетел из нее рыбкой и очень вовремя: в этот самый момент коляску пробили две пули.

Сапарчи закатился за колесо какого-то «Камаза» и выстрелил снова, и на этот раз он попал одному из киллеров по ногам. Тут уж охрана его тоже сообразила, что происходит, выскочила из джипа сопровождения и начала палить в ответ.

В это время машина киллеров уже завязла в столбе, и один из них был ранен в голову, а другой – в ногу. Двое оставшихся на ногах подхватили того, кто был ранен в ногу, и побежали с ним дворами.

Через три двора они заметили новехонькое трехэтажное здание, в котором раньше была больница. Они заскочили внутрь и закричали «доктора!» Но надо же было такому случиться, что больница была в этом здании до ремонта. А когда Заур построил для больницы другое здание, трехэтажку сначала хотели снести, а потом отдали под отделение милиции.

Когда киллеры заскочили внутрь и поняли, что это не больница, они бросили товарища и рванули во двор, но во дворе в это время как раз проходило боевое построение.

Короче всего сказать, что киллерам не повезло.

А Сапарчи отделался убитым охранником и переломанной ногой, что, согласитесь, было неважно: ведь он все равно этой ногой не пользовался.

* * *

Так получилось, что во время этого покушения глава АТЦ республики, Хаген Хазенштайн по прозвищу Ариец, был далеко в горах. Когда он приехал к Кировскому райотделу, прошло уже два часа. Во дворе трехэтажки, перед входом, стояло плотное кольцо бойцов АТЦ, а перед ним – «хаммер» Сапарчи. Сапарчи скандалил с бойцами, сидя в своей коляске, и рядом с ним стоял невысокий полный москвич с круглым, как будто несколько китайским лицом

и Орденом Мужества, привинченным к безупречному лацкану пиджака. Где-то этого китайчонка Хаген уже видел, но ему не досуг было вспоминать, где.

В тот самый момент, когда Хаген вылез из машины, ворота во двор снова распахнулись, и в них залетел целый кортеж. Из головной машины выскочили Джамал Кемиров и начальник УФСБ республики генерал Шершунов, а из следующей машины выбрался глава МВД генерал Чебаков.

А из третьей машины вылезли президент республики и Кирилл Водров, которые как раз прилетели из Москвы: собственно, вся эта бронированная орава и ездил встречать их в аэропорт. При виде встревоженного лица президента Хагену стало совсем неудобно. Ведь это Заур Ахмедович попросил его снять с выборов Сапарчи, а Хаген мало того что провалил поручение, так еще и насмешил всю республику.

– Ну, что тут у вас стряслось? – спросил Заур Кемиров. Лицо президента, смуглое, властное, похожее на чистую тетрадку для прописей, разлинованную клеточками морщин, ничего не выражало.

Глава УФСБ щелкнул каблуками, вскинулся во фронт и отпартовал:

– Дерзкая выходка террористов, Заур Ахмедович, – обстрелян глава компании «Авартрансфлот», народный депутат, кандидат в мэры Бештоя Сапарчи Телаев! Террористы задержаны, личности известные, на каждого есть папка о их связях с так называемым Черным Булавди!

Заур Кемиров перевел вопросительно глаза на главу МВД, но тот только шнырял глазами по сторонам, – то в сторону Сапарчи, то в сторону Хагена. Потом он воткнул зрачки в землю, съежился и сказал:

– А... Э... Заур Ахмедович, я бы хотел поговорить... э...

И тут Сапарчи Телаев выкатился вперед и ткнул указательным пальцем прямо в белокурого начальника АТЦ.

– Это люди из твоего села, и никакие они не террористы! – закричал Сапарчи. – Это ты приказал меня убить. Михаил Викентьевич, Христофор Анатольевич, я ответственно заявляю: этот человек преступник. Этот человек бандит. Этот человек не только не может находиться на должности начальника АТЦ, он должен сидеть в самой глубокой тюрьме, которая только найдется в России! Он и его друзья творят произвол по всей республике! Он и его друзья издеваются над демократией! В Чираге они поставили всех депутатов на колени, и заставили их голосовать под дулами автоматов! В Алагае они надели на главу администрации пояс шахида, чтобы он отказался от должности! И вот из-за того, что я взялся помогать этому несчастному мученику, я тоже оказался под прицелом их автоматов! Меня хотят убить, потому что я защищаю интересы России!

Генерал-лейтенант Шершунов еле слышно хмыкнул. Джамалудин Кемиров глядел куда-то вперед, и лицо его было спокойным, как горное озеро. У Кирилла Водрова зазвонил телефон, он побагровел и с досадой сбросил звонок.

– А... э..., – Сапарчи Ахмедович, – сказал глава МВД, – ну зачем же вы так... Вот... мы расследуем... киллеров забираем в СИЗО...

– Какое к черту СИЗО? – сказал Хаген, – они ранены.

– И ты хочешь отправить их в больницу под охраной твоих людей? – заорал Сапарчи.

– Если эти люди террористы, – сказал Джамалудин, – то их будет охранять АТЦ.

– Да это просто фарс! – вскричал пораженный Сапарчи Телаев.

– Сапарчи Ахмедович, – сказал Заур Кемиров, – как вы смее так разговаривать в присутствии высших должностных лиц республики? Вы ведете себя, как уголовник, а не как бизнесмен! На вас покушались одиннадцать раз, и каждый раз вы устраивали по этому поводу предвыборный балаган! Запомните, больше балагана не будет! Если в вас стреляли террори-

сты, то их будет охранять АТЦ, а если у вас с киллерами личные счеты, то никто не позволит вам на глазах президента республики забежать в райотдел и стрелять там людей!

Сапарчи Телаев чуть не затопал колесами; но к этому времени народу во дворе еще прибыло, и вместе с бойцами АТЦ вход перегородил ОМОН и личная охрана Джамала, и Сапарчи побагровел, потом побледнел, и убрался в свой «Хаммер». Вместе с ним уехал молодой федерал с китайским лицом и с Орденом Мужества.

* * *

Когда Сапарчи уехал, президент республики поднялся по свежотремонтированной лестнице на второй этаж и прошел в кабинет начальника отделения, где как раз сидели двое киллеров. Их товарищей уже увезли в больницу, потому что те были очень плохи, но, по правде говоря, и эти двое были нехороши.

– Кто вас нанял? – спросил президент.

Киллеры перепугались, видя за его спиной Джамалудина и Хагена, и не знали, что отвечать. Они только таращили глаза и жалобно дышали.

– Вы меня попросили его снять, я и снял, – брякнул Хаген, – что, лучше бы было, если бы он вонял, как Мухтар?

Вони от всего случившегося, строго говоря, предстояло больше, чем от Мухтара, и Хагену было очень неудобно, что он так опозорился.

– А это что за орлы?

– Сапарчи их нанял убить меня, – признался Хаген, – кто же знал, что он приискал таких идиотов!

– Если Сапарчи их нанял убить тебя, – сказал Заур, – почему ты не заставил их написать заявление?

– Что обо мне скажут люди, если я буду писать заявление – возмутился Ариец, – они и так говорят, что на мне теперь погоны. Если бы он написал заявление, то и я бы написал заявление. Но он же не заявление написал!

Президент республики некоторое время молчал, не зная, что возразить на такое наблюдение главы Антитеррористического центра, а потом махнул рукой и вышел.

Хаген вышел вслед, немного погодя; бойцы его облепили коридор, как муравьи кусок сахара, а на подоконнике напротив сидел Кирилл Водров, в длинном черном пальто и щегольских начищенных ботинках.

– Хаген, – негромко позвал Водров, и Ариец приостановился. Меньше всего ему хотелось выслушивать проповедь коммерсанта.

– Хаген, ты заметил человека рядом с Сапарчи? С орденом Мужества и круглым лицом?

– Да, – сказал Хаген, – а что?

– Этот человек был в заложниках на Красном Склоне. А еще он был третьим во время моей беседы с Семеном Семеновичем, когда тот потребовал отдать лицензию.

* * *

Кирилл Водров был совершенно прав. Молодой человек с китайским лицом был действительно тот самый, который приносил чай в кабинет Семена Семеновича. Звали этого человека Христофор Мао, и он прилетел в республику на час раньше Водрова, обыкновенным рейсовым самолетом, зажатый в узком кресле старого «Ту» между старой, безобразно располневшей даргинкой и прыщеватым парнем с золотыми зубами и лишаем на лбу.

Христофор специально выбрал этот рейс, потому что знал, что в этой день в республику возвращается президент, и надеялся прилететь с ним на одном самолете. Но оказалось, что

президент вылетает на час позже, и когда старенький «Ту» ехал по взлетке, Христофор Мао видел около vip-зала блестящий красно-белый «челленджер» с эмблемой «Навалис», и Христофор Мао очень хорошо запомнил, что он прилетел в республику между старой ведьмой в навороченных черных юбках и молодым уголовником, а президент летел часом позже, раскинувшись в кожаном кресле, покачивая ногой в начищенном ботинке и посматривая на платиновые часы на левой руке.

У Христофора Мао тоже были часы на руке, и на них было написано «от президента Российской Федерации», но эти часы стоили всего пятьдесят долларов. Кроме того, на самом деле часы были вовсе не от президента. Семен Семенович трижды вносил Христофора в список, но референты так и не дали часов, пока Христофор не отнес кому надо штуку баксов, и получилось, что Христофор заплатил тысячу долларов за часы, которые стоили полтинник.

Христофор Мао прибыл в Торби-калу не как старший оперативный сотрудник, и не как офицер ФСБ, а просто как человек, прикомандированный к компании «Авартрансфлот». У него и письмо было соответствующее, насчет проверки «Авартрансфлота», а в УФСБ республики ушло другое письмо, с просьбой оказывать Христофору Мао всяческое содействие.

Таких прикомандированных сотрудников Лубянка часто направляла в разные компании, государственные и не очень, для надзора за стратегическими интересами, и Христофор Мао с полным на то правом мог считать себя Штирлицем в стане врагов: государственным человеком среди коммерсантов.

Правда, разница между Штирлицем и Мао заключалась в том, что Штирлиц был разведчиком-нелегалом. Относительно же Мао не имелось никаких сомнений в том, какому ведомству он принадлежит. Даже если бы Кирилл Водров не узнал офицера с китайским лицом, Мао и не собирался бы хранить инкогнито, да что там Мао, – Сапарчи Телаев наверняка тут же расхвастался бы, что к нему приехал человек из центра решать его проблемы, хотя это было совершенно не так. На самом деле человек из центра приехал к Сапарчи затем, чтобы Сапарчи решал проблемы центра.

Собственно, Сапарчи как раз и ехал встречать Христофора Мао, когда его подстрелили, и когда Мао вышел из самолета и не увидел встречающих, он был очень зол. А когда он услышал о перестрелке, он решил, что это фарс. Мао решил, что оппозиция набивает себе цену.

Однако через пятнадцать минут подъехала охрана, и когда она отвезла Христофора Мао на место покушения, подполковник ФСБ был поражен. Он увидел лужи крови и сколы от пуль на «Хаммере», и он понял, что если бы Сапарчи обстреляли на пути обратно, а не туда, он, Христофор Мао, мог бы точно так же лежать на мостовой под белой простыней вместо несчастного подстреленного охранника.

Это впечатляло.

Особенно впечатляло то, что так начинался второй визит Христофора Мао в республику. А первый кончился Красным Склоном.

* * *

Христофору Мао было едва за тридцать, он был высокий, круглолицый, с редкими хвостиками темно-русых волос и рыхлым пивным животиком, так частым для органов, где мужчины много курят, много едят и еще больше пьют, и оправдывают расстроенную печень и излишний вес долгими засадами и нерегулярным питанием. Фамилия Мао у него была от дедушки, китайского коммуниста, приехавшего перед войной в СССР, и сгинувшего в концлагерях. Отец о деде не рассказывал, и дети в школе немилосердно дразнили Христофора, во-первых, из-за круглой морды, а во-вторых, из-за фамилии: фамилия его была тогда Петушатников. Когда Христофор узнал, как звали деда, он сменил фамилию сам.

Карьера Мао в ФСБ началась не очень удачно. Как только он поступил в Академию ФСБ, он вышел за порог здания и увидел напротив, через площадь, ювелирный магазин. В этот магазин он и пришел, с предложением «крыши».

Бедолагу Мао тут же повязали. Оказалось, что ювелирный магазин напротив Лубянки давно имеет «крышу», и звездочки у нее пошире, чем у курсанта академии ФСБ. Но так как каждый третий курсант приходил в этот магазинчик с предложением «крыши» (что, конечно, не очень хорошо говорило об интеллектуальном уровне курсантов), то Мао не отчислили. Слишком многих пришлось бы отчислять за такую мелочь.

Так или иначе, Мао не выгнали, а через два года распределили в Новосибирск, где, напуганный историей с магазином, он особо никуда и не лез. В конце концов на какой-то корпоративной вечеринке директор института систем космической связи, желая похвастаться, подарил ему книжку, набитую формулами.

Мао обрадовался и завел на директора дело за разглашение государственной тайны. На суде выяснилось, что директор книжку списал – всю, слово в слово, с другой книжки, опубликованной в США, причем книжка, опубликованная в США, была справочник за подписью министра обороны РФ. Мао ожидал, что ему дадут по шапке, однако, к его изумлению, дали директору института – пять лет условно.

Однако на Мао смотрели немного косо, и он отправился восстанавливать конституционный порядок в Чечню; там год службы считался за три, а по окончании срока полагалось жилье и пост не ниже прежнего в любом городе, не считая Москвы и Санкт-Петербурга. За полгода до конца срока можно было уже уезжать и подыскивать себе квартиру.

Мао восстанавливал конституционный порядок в Чечне три года вместо одного, а потом сразу стал замначальника УФСБ по Краснодарскому краю. Там, в Сочи, он познакомился с Угловым, и всемогущий вице-премьер вдруг позвал Мао в помощники.

Так-то Мао и очутился в тот страшный апрельский день на Красном склоне, и каждая секунда этого дня врезалась в память Мао, как килобайты в лазерное покрытие CD.

Впоследствии Мао был уверен, что он сразу почувствовал неладное, – сразу, как только в уставленный столами и яствами зал вошли шестеро зверьков во главе с худощавым, двигавшимся как рысь аварцем – Джамалудином Кемировым. Аварец, чеченец, – разницы не было, все они умирали одинаково, ругались и кричали «Аллах Акбар», и именно таких, – поджарых, черноволосых, Мао любил допрашивать и умел ломать. И Мао бы непременно вскинулся, толкнул бы под локоть генерала Комиссарова, рядом с которым он сидел, но тут среди горцев показался еще один человек – Кирилл Водров. Бывший лощеный дипломат, заместитель Комиссарова по Чрезвычайной Комиссии, в безупречном костюме, с неярким пятном синего галстука, за пять метров на Мао пахнуло дорогим одеколоном.

И тут уже Комиссаров встал и расплылся в улыбке, и поднял тост, и Мао расслабился – до того момента, когда прозвучали первые выстрелы, и Кирилл Водров, обаятельный, хорошо одетый Кирилл Водров, с изящной европейской стрижкой и платиновой булавкой, небрежно прихватившей шелковый галстук, – вытащил пистолет из кобуры поднявшего руки Комиссарова и сказал:

– Стоять.

Это было невероятно. Свой – предал. Свой стал на сторону этих сопящих, немых, чернотазых дикарей, веками плодящихся в своих аулах и мечтающих смыть с лица земли всякую цивилизацию.

Никогда в жизни Мао так не боялся. Когда избили Аргунова, когда собрались скормить крысе Комиссарова, Мао понял, что они убьют всех, кто за вертикаль власти. Но террористы выясняли какие-то свои обиды, и до Мао им вовсе не было дела.

Но самое удушающе-позорное случилось в конце, когда Джамал Кемиров снова перевернулся в своем волчьем мозгу, и скомандовал заложникам:

– Кто хочет сражаться – возьмите оружие.

Полковник Аргунов взял автомат, хотя у него изо рта сыпались осколки зубов. Вся охрана вице-премьера взяла оружие, и еще какой-то местный, черномазый, из Пенсионного Фонда, и еще его родичи, и даже какой-то депутат, штатский, рыхлый, владелец супермаркетов, который последние двадцать лет держал в руках разве что карабин, охотясь на зебр в Намибии.

И, конечно, Водров взял оружие, – а он, Христофор Мао, кадровый подполковник ФСБ, годы службы в «горячих точках», два Ордена Славы, десятки спецопераций – не смог. Снаружи были пять сотен вооруженных до зубов чеченцев, мятежный отряд «Юг», тот самый Хаджиев, о зверствах которого у Мао были тома показаний, – и Мао не смог взять автомат. Страх парализовал его, живот прилип к позвоночнику, и его повели, как овцу, в подвал.

Когда все кончилось, Мао выглянул наружу. К этому времени заложников никто не охранял, они были уже не заложники, а гражданские лица, за безопасность которых режутся озверевшие бородачи. Мао выполз из подвала, подобрал у ближайшего мертвеца автомат и вышел в холл.

Потолок в холле был черный (потом уже Мао понял, что это была зола от «шмелей»), мертвецы свисали с широкой мраморной лестницы, как лапша с шумовки. Мао стал ходить и стрелять раненым в лоб. Это делали многие, потом уже оказалось, что Мао попал на чью-то камеру.

В неразберихе, конечно, было непонятно, кто где воевал. Мао получил Орден Мужества, помогла и камера, запечатлевшая бледное, мужественное лицо и автомат в усталых руках. Мао давно убедил себя, что подвиг его – был; он снялся в двух фильмах, посвященных Красному Склону, воспоминания его вошли в Белую Книгу Славы, и на лекциях подрастающему поколению Мао нередко делился антитеррористическими воспоминаниями, – и вот, оказалось, что Водров помнит.

Мао до сих пор бледнел, когда вспоминал тонкие пальцы выродка у собственного лацкана и спокойный голос:

– Что-то я не видел тебя в бою.

Он ненавидел этого человека. Этот лощеный дипломат с пятью языками, этот генеральский сынок, этот вице-президент западного концерна, не испугавшийся поднять оружие вместе с террористами, – он воплощал в себе все то, чем Мао никогда не станет.

Теракт на Красном Склоне завершил образование Христофора Мао, начатое в Новосибирске. Мао обнаружил, что первый закон системы очень прост: система стерпит любую ложь. Она стерпит, если выстрелить в лоб человеку и сказать, что он боевик; она стерпит, если Джамала Кемирова, человека, взявшего в заложники правительственную делегацию, называют опорой федералов в республике.

Система не терпит только одного – публичности. Если бы Джамал Кемиров публично пытался выяснить правду об организаторах взрыва в Бештойском роддоме, если бы он не то что подал заявление – дал самое малое интервью – он был бы террористом, боевиком, и давно был бы загнан в угол. Но Джамал Кемиров никогда не говорил ничего публично, а просто выяснил все для себя и пристрелил виновных, и это сошло ему с рук, хотя те, кого он пристрелил, были замгенпрокурора РФ и вице-премьер России.

Первый закон системы, который усвоил Христофор Мао, был очень прост. Делай все, что угодно. Даже если ты совершить ошибку или преступление, система встанет на твою защиту, и чем страшней будет твоя ошибка – тем больше система будет тебя защищать.

А второй закон был еще проще.

Выигрывают – сильные.

Это была тонкая вещь, которую не понимало большинство коллег Мао. Они считали, что вести себя надо тихо, что инициатива наказуема, и стоило начальству взглянуть искоса на какой-то предложенный ими план (а взгляд искоса, скорее всего, оттого и был, что начальство

боялось, что подчиненный слишком выдвинется, затмит собой вышележащий пост), – и они покорно соглашались, втягивали рожки, занимались рутинной.

Все боялись начальства – Мао не боялся. На его глазах человек пустил пулю в голову зам генерального прокурора и стал от этого опорой федералов в республике. Этого не могло быть. Этого не могло произойти. Никакое государство – ни демократическое, ни тоталитарное, ни первобытное – не могло бы назначить человека, застрелившего зама генерального прокурора – своей правой рукой. Дело было не в том, прав этот человек или нет. Дело было в том, что государства так не поступают.

Но государства не было, и выигрывал – сильный.

Все коллеги Христофора Мао знали, что преступников – не судят. Один его коллега украл банкира – и банкир получил три года, когда осмелился пожаловаться. Другой его коллега задал трехлетнюю девочку, – и мать девочки сняли с работы, когда эта сучка сдуру написала заявление. Все вокруг знали, что государство не защитит ни банкира, которого украдут, ни девочку, которую раздавят, но вот круговая порука защитит всех тех, кто это делает, потому что все их коллеги защищают собственную возможность творить преступление.

Но только Мао знал, что на самом деле никакой поруки не было. Круговая порука началась тогда, когда надо было замазать историю с девочкой, которую задавили, потому что никто из коллег не мог гарантировать, что с ним не случится такая же беда – и что ж тогда? В отставку? Но вот когда дело шло о дележке долларов, или о важном poste, или о подкрышной компании, – никакой круговой поруки не было.

Есть свои – их выгораживают.

Но есть проигравшие – их сдают.

Комиссаров и Углов проиграли. Им дали посмертно по ордену, а подкрышные им компании растащили коллеги. Христофор Мао знал, что вдова Комиссарова потихоньку распродает антиквариат и квартиры. Даже счета, – а у Комиссарова должны были быть миллионы, – коллеги захомутали себе, не нашли нужным поделиться с бабой.

Христофор Мао знал, почему Семен Семенович Забелыцын назначил его ответственным за Чираг-Геран. Семен Семеновичу сверху дали «добро», но такое же «добро» дали Зауру Кемирову. Сверху бросили кость сразу двоим псам, и ждали, кого признать победителем.

И Семен Семенович сделал то же самое. Он спустил задачу Мао, и если Мао не справится, Семен Семенович сделает вид, что Христофор порол отсебятину. Он создаст чернозлым проблему в лице Мао, а потом решит эту проблему, и в награду за союз отдаст чернозлым Мао в багажнике.

Христофор Мао не собирался проигрывать. Он собирался обыграть – и Кемировых, и Забелыцына. Нет позора подставить того, кто подставляет тебя.

За своих – заступаются.

Неудачников – вычеркивают.

У Христофора Мао были два учителя – Джамалудин Кемиров и Кирилл Водров.

И еще у него были два врага.

* * *

Итак, Заур Кемиров зашел в больницу объясниться с Хагеном, а Христофор Мао уехал с Сапарчи Телаевым. Они приехали к Сапарчи домой и сели за стол, и Сапарчи немедленно хлопнул стакан водки.

Всю дорогу он кричал и ругался, и видно было, что покушение на него сильно подействовало. Конечно, в него стреляли уже одиннадцать раз, но все-таки это происходило не каждый день. Это было, что и говорить, не рядовое событие.

Сапарчи хлопнул еще полстакана, и Мао заметил, что рука его слегка дрожит.

– Не, ты видел? – вскричал Сапарчи, – ты это видел?!

Христофор Мао – видел. Он видел плотную шеренгу бойцов возле входа в больницу: камуфляж, кобуры, ремни, всполохи мечущихся фар на отполированных звеньях наручников. Это были те же люди, которые два года назад взяли его в заложники, которые совали к его виску автомат и гоняли, как скот, – и вот теперь они стояли снова, между ним и его целью, невредимые, процветающие, официальные бойцы республики, и – ими командовали те же самые люди. Белокурый эсэсовец Хаген, худощавый щеголь Водров и, – самый черный кошмар Мао, сшившийся ему после штурма, – темноволосый, углеглазый, гибкий как плетка, и тощий, как пуля, – Джамалудин Кемиров.

И к ним теперь прибавился еще один, тот, кого не было на Красном Склоне, но ради кого все и затевалось. Старший брат Джамалудина. Новый президент республики.

Самое поразительное было то, что президент этот открыто встал на стороне Хагена. Это было глупо. Семен Семенович, по прозвищу Эсэс, никогда бы такого не сделал. У Забельцына было так: твоя победа – это моя победа. А твоя ошибка – это твоя ошибка. Неудачное покушение было ошибкой, – там зачем же защищать Хагена? Пусть сам выпутывается, урод.

– Нет, ты видел? – вскричал Сапарчи, – Заур их поддержал! Это он стоит за убийцами!

– А мотивы? – спросил Христофор.

Сапарчи Телаев хлопнул еще водки, и лицо его покраснелось. Несколько секунд он молчал, а потом заговорщически поманил Христофора пальцем. Мао наклонился к нему через стол, и в ноздри его шибанул запах пота, страха и спирта.

– Правящая коррумпированная клика, – сказал Сапарчи, – боится моего авторитета в республике. Заур хорошо знает, что покойный Углов собирался назначить меня президентом. Он предлагал мне долю в Чираг-Геране, – а когда я отказался, он испугался и решил меня убрать.

– И почему же вы отказались? – изумился Христофор Мао.

– Потому он сказал мне тогда: «Мы получим английские деньги и на эти деньги отложимся от России!» Он мне предлагал долю не в бизнесе, а в восстании!

– И у вас есть запись этого разговора?

Сапарчи моргнул и снова поманил его пальцем. Коляска его с визгом развернулась на месте, и помчалась по гладким коридорам вглубь дома. Христофор Мао едва поспевал за ней. Сапарчи вкатился в кабинет, остановился у вделанного в стену сейфа, и крутнул его ручку, как капитан крутит штурвал уносимого бурей корабля. Сейф заскрипел и отворился – в глаза молодому подполковнику бросились пачки и пачки денег. Денег было так много, что от них захватило дух. Помимо денег, Христофор заметил в сейфе руководителя государственной компании россыпь краснокожих паспортов и «стечкин» без кобуры. Сапарчи вытащил из сейфа пачку долларов и бросил ее на стол перед федералом.

Потом туда же шлепнулась вторая пачка, потом третья, четвертая. Глаза Христофора расширились. Он глядел на зеленые купюры, не отрывая глаз. Пачки были без банковских упаковок, обмотанные нитками, и от этих засаленных стодолларовых купюр, побывавших в бесчисленных руках, исходил тот же манящий и сладкий запах, что от доступной женщины. Мао сглотнул, рот его наполнился слюной.

Сапарчи бросил на стол седьмую пачку и пододвинул образовавшуюся кучку через стол к Христофору. Широкое, влажное от пота лицо Сапарчи наклонилось к чекисту, и калека хрипло прокаркал:

– Я рассказал об этом разговоре бывшему прокурору республики, и вы знаете, что эти садисты сделали? Они отрезали ему уши!

* * *

Когда на следующий день Христофор Мао поехал в больницу, куда привезли киллеров, он обнаружил во дворе ее черный бронированный «мерседес» и «порше-кайенн» с синими милицейскими номерами. Тут же стоял автобус с задернутыми шторками, а у входа дежурили двое автоматчиков.

Христофор Мао был проницательный человек, и завидев автобус, он сразу догадался, что ему будет непросто получить от киллеров признания в заговоре руководства республики против России.

Из автобуса вылез какой-то майор ФСБ, и спросил у Христофора, кто он такой, и что ему нужно. В ответ на это Христофор предъявил свою корочку прикомандированного сотрудника, и сказал, что ему, как человеку, прибывшему из Москвы с инспекцией компании «Авартрансфлот», было бы необходимо поговорить с людьми, стрелявшими в главу компании.

Строго говоря, никакому штатскому проверяющему не было ни малейшей причины участвовать в уголовном расследовании, и майор или его начальство могли бы Христофору Мао отказать. Но майор, который видимо знал о телеграмме с просьбой «оказать всяческое содействие», только ухмыльнулся и козырнул, и пропустил Христофора внутрь.

На этаже, где лежали киллеры, тоже дежурили автоматчики, а в палате сидели младший брат президента республики и глава Антитеррористического Центра. Хаген выглядел очень внушительно, со своими короткими белокурыми волосами, перехваченными черной повязкой, и кожаным поясом, обшитым обоями. Джамалудин сидел в ногах одного из киллеров, скорчившись и наклонившись вперед, словно горная рысь перед прыжком, и смуглый его профиль в свете дрожащей неоновой лампы казался вырезанным из куска ночи.

Появление Христофора тоже не вызвало удивления ни у Хагена, ни у Джамалудина. Можно было подумать, что они получили копию секретной телеграммы ФСБ. Можно было даже подумать, что они не дают себе труда скрыть, что начальник УФСБ, раскатывающий повсюду на бронированном «мерсе», подаренном ему Джамалом, считает долгом делиться с террористом номер один республики сверхсекретными телеграммами.

Христофор Мао поздоровался с Джамалудином и Хагеном, а потом он подошел к киллеру и спросил, почему тот стрелял в главу «Авартрансфлота». Киллер посмотрел сначала на начальника АТЦ, потом на брата президента республики, вздохнул и ответил:

– Его тачка подрезала нашу. Вот мы развернулись и погнались за ним, чтобы разобраться. Кому он сдался, на него покушаться! Мы просто хотели предъявить ему за тачку.

Христофор Мао хотел было поговорить с киллером без свидетелей, но тут брат президента республики положил ему руку на плечо и спросил, обедал ли он, и они поехали в какой-то ресторан с каменными рюшечками и глубокими креслами, и Джамал, широко улыбаясь, спросил, зачем он приехал.

– Дружить, – улыбаясь еще шире, ответил Христофор.

Они дружили полтора часа, смеялись и ели; и когда Христофор заикнулся, что надо бы допросить ребят, Джамалудин заверил, что протоколы допроса ждут его прямо в машине.

– Послушай, – сказал Джамал, – чего доставать раненых? Пацаны вообще ни в чем не виноваты. Они всего-то и хотели, что поговорить с Сапарчи, а этот черт начал стрелять. Четырех подстрелил! Мы тут что, куропатки? Это против него надо возбуждать дело!

– Я их должен допросить сам, – сказал Христофор.

– Э, – сказал презрительно Хаген, – с какой стати простой проверяющий из Москвы будет допрашивать простых хулиганов? У нас тут резкие люди, неправильно могут понять. Видишь, что творится в республике: едут себе люди, их подрезали, раз – и труп.

И белокурый эсэсовец расхохотался так, что в кишки Христофору словно натолкали колотый лед.

Когда Христофор Мао вышел из ресторана, Джамалудин проводил его до машины, и Христофор с изумлением заметил, что это не «мерс» «Авартрансфлота», на котором он приехал в больницу, а новенький черный «порше-кайенн».

– А где моя машина? – спросил Христофор.

– Это твоя машина, – сказал Джамал, – бери! Для хорошего человека ничего не жалко!

Христофор покраснел; потом побледнел; руки его вспотели. Когда он сел в машину, он обнаружил на сиденье дипломат, а в нем показания четырех ребят, устроивших перестрелку на Хачатурова. Кроме показаний, в дипломате были доллары, и их было вдвое больше, чем тех, что дал Сапарчи.

Христофор обнялся на прощание со своими новыми друзьями, нажал на газ и уехал.

* * *

Через час Джамалудин заехал в Дом на Холме. Он сказал брату, что проблема с московским проверяющим решена.

– Этот Христофор, – промолвил Джамалудин, – мелкий взяточник и трус. Когда Хаген сказал ему про то, что у нас застрелить могут любого, он свернулся, как несвежее молоко на огне. Эта история закончена.

– Эта история только начинается, – ответил Заур, – не думай, что если он взял деньги, он забыл слова Хагена. Самые большие гадости делают самые мелкие люди.

* * *

Что же касается Христофора Мао, то он поехал обратно к Сапарчи. Сапарчи в это время был не в кабинете, а в спортзале. Он подтягивался на перекладине, страхуемый охранником, а инвалидное его кресло стояло в сторонке. Сапарчи подтянулся десять раз, а потом еще десять и еще пять, и наконец охранник снял его и положил на ковер. Сапарчи бросил подтягиваться и стал выжимать штангу.

Мао подождал, пока Сапарчи закончит со штангой, подошел к нему и сказал:

– Эй, Сапарчи Ахмедович, вы обманули меня. Нехорошо. Судя по показаниям этих парней, никакое это не покушение, а просто уличная драка. Не стоит думать, будто вы можете использовать Российскую Федерацию, чтобы сводить свои личные счета.

– Клянусь Аллахом, я не свожу личные счета, а защищаю интересы России, – сказал Сапарчи.

– Тогда изложите ваш разговор с Зауром под протокол.

Между тем Сапарчи Телаев к этому времени немного одумался. Сапарчи вообще был человек увлекающийся, можно сказать – поэт в душе. Некоторые вещи он говорил под влиянием момента, и хотя он всегда верил в то, что говорил, нередко через пять минут, оценив последствия своего вранья, он крепко-крепко прикусывал губы и спрашивал сам себя: «Э, да что же это вылетело у меня изо рта и как это оно туда попало?»

Сапарчи был бы очень доволен, если бы прикомандированный москвич написал докладную про заговор Кемировых против России, потому что если бы докладная всплыла, то и спрос был бы с автора докладной. Но ему вовсе не хотелось писать такую бумагу самому, потому что если бы она всплыла, то и спрос был бы с него.

– Как же я буду излагать такие вещи под протокол? – изумился Сапарчи, – меня уже за одно то, что я отказался, Заур велел убить, а если я придам свой отказ гласности, меня ничто не спасет!

– Если вы отказываетесь написать заявление, – сказал Мао, – у нас есть только один способ узнать правду. Мы должны будем провести очную ставку: имел или не имел места этот разговор.

Тут Сапарчи понял, что он попал. Он пошел и написал заявление, на имя главы ФСБ России, а Христофор пообещал ему охрану из числа прикомандированных от ФСБ. Еще они договорились о том, что Сапарчи будет платить за эту охрану по сто тысяч долларов в месяц в специальный внебюджетный фонд содействия основам правопорядка и законности на Кавказе.

Тем же вечером Сапарчи поехал провожать Христофора Мао в аэропорт. Вылет задержали на четыре часа, и получилось лучше лучшего: они гуляли в аэропорту до полуночи, и дипломат, полученный от Джамалудина, пополнился еще двумя пачками: троюродный брат Сапарчи хотел стать казначеем, и так как должность эта была федерального подчинения, Христофор пообещал, что пришлет проверку в казначейство республики.

И одно омрачило триумф Христофора Мао: в десять часов вечера распахнулись железные ворота vip-зала, и на рулежку аэропорта с бесшумным шелестом вылетел призрачный кортеж из бронированных «мерсов»; из передней машины выскочил худощавый невысокий человек в черном пальто, обнялся с провожающими, стремительно взбежал вверх, – и изящный «челленджер» с поблескивающими огоньками на крыльях и ало-белой эмблемой «Навалис» тут же втянул трап, загудел, развернулся и покатился ко взлетке.

Пьяный подполковник ФСБ глядел на взлетающий самолет из полутемного окна ресторана; в уши била разухабистая лезгинка, и в пластмассовой вазочке с недоеденным оливье мокла недокурная сигарета. Сколько же денег увозит с собой этот западный фронт, если он, Христофор Мао, заработал за сутки двести тысяч долларов, черный «порше» и жуткое обещание Хагена – пересмешника с глазами из замерзшего кислорода?

Глава четвертая

Белая Речка

В субботу утром, когда Алихан шел от соседа, которому починил приемник, он заметил у магазина незнакомую «семерку», а когда он подошел ближе, он увидел в «семерке» одного из тех людей, которые неделю назад были в гараже.

Еще в «семерке» был Мурад Кахаури. Мурад был не совсем чеченец, так, мелхетинец, и он не жил в селе, а в селе жила его старшая сестра, которая вышла замуж за троюродного дядю Алихана. Кроме того, Мурад был чемпионом мира по вольной борьбе среди юниоров. Тренеры возлагали на Мурада очень большие надежды. В прошлом году ему исполнилось девятнадцать.

Мурад сказал, что человека, с которым он приехал, зовут Максуд, и они некоторое время говорили о том, о сем, а потом Мурад ушел за своими двоюродными братьями, и Максуд с Алиханом остались одни.

– Я смотрю, наш общий знакомый отослал тебя прочь, – сказал Максуд.

Алихан не видел надобности говорить Максуду, как обстоят дела, и поэтому ничего на это не сказал.

– А ты близкий с ним? – спросил Алихан.

– Меня просто посылали к нему с просьбой, – ответил Максуд. – Поколебался и добавил: – Меня посылал Доку. Вообще-то Доку подыскивает себе людей. У него много людей, а ему нужно еще больше.

В это время вернулся Мурад с братьями. Кроме братьев, с ним был еще один мальчик, одноклассник Алихана, и Алихан понял, за чем приехали эти люди. Максуд шутил и вообще не говорил о деле, но как-то незаметно во время шуток на мобильники мальчиков переключала запись последней Шуры, и еще одна, на которой моджахеды уничтожают оккупантов и бандитов в чине капитана и подполковника милиции. Бандитов связали, поставили на колени и вогнали им пулю в затылок, а один из бандитов все время плакал и кричал, что он только шофер, и что дома у него маленькая дочка. Эта русская свинья даже не пыталась умереть как Муций Сцевола.

Месяц назад Алихан рылся в Сети и нашел там месседж какого-то Игнатия. «Было нашествие варваров Руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, зверского нравами, бесчеловечного делами. Убийство девиц, мужей и жен, и не было ни кого помогающего, никого, готового противостоят».

Этот Игнатий из Византии жил аж тысячу лет назад: вот, значит, какие они, русские, были еще тогда.

Тем же вечером Алихан вывесил обе записи в чате (это было опасно, по IP-адресам ФСБ могло отследить автора, но Алихан знал, что делал, и его не отследили), и Игнатия он тоже вывесил, потому что Игнатий смотрел в корень. Доку – это было круто. Доку – это было даже лучше, чем Булавди.

Но Алихан уже поговорил с Булавди, и тот поручил ему дело. Алихан не мог позволить, чтобы Булавди думал о нем, как о пустозвоне.

* * *

Прошла еще неделя, и за эту неделю Мурад приезжал в село дважды, и один раз с ним был Максуд, а другой раз еще один человек, бывший тренер Мурада. У него была деревянная нога, и его имя было известно. Когда у этого человека взяли в заложники жену, он ответил: «Возьмите и привезите ее ко мне. Я сам ее убью, чтобы не было соблазна».

О Кирилле Водрове не было ни слуху ни духу, и сим-карта лежала без дела.

Мальчики в школе сбивались в кружки. За Мурада был его двоюродный брат. Он тоже занимался, только не вольной борьбой, а боксом, и никогда особо не скрывал, что драться собирается не на ринге.

В четверг утром, когда они сидели вместе на уроке, двоюродный брат наклонился к Алихану и сказал:

– Мы с Мурадом завтра уезжаем на море.

Щелкнул мобильником, и по экрану поплыла картинка: лагерь бородатых людей с зелеными повязками и автоматами. Людей было много, сердце разрывалось, что нельзя быть с ними. Но Алихан уже договорился с Булавди.

* * *

Кирилл снова приехал в Тленкой в конце октября. Он был на бронированном «мерсе», и кроме Абрека с Шахидом у него была машина сопровождения, набитая автоматчиками, как огурец – семенами.

Заур отдал категорический приказ, чтобы Кирилл не перемещался по республике без охраны, и Кирилл полагал, что Заур куда меньше боялся боевиков, чем Семен Семеныча. Кроме этого, охрана пристрелила б Кирилла тут же, если бы он передумал и встал на сторону Семен Семеныча, но это была возможность гипотетическая, и потому Кирилла она интересовала мало.

На этот раз гостей в доме не было.

Семья высыпала на крыльцо; дети бегали и кричали по-чеченски. Диана стояла, опершись о столбик, и настороженно смотрела, как охрана вытаскивает из багажника клейменные латиницей коробки.

– Это что? – спросила Диана.

– Компьютер для Алихана, – ответил Кирилл, – я на Уразу приехал без подарка, вот, исправился. Алихан, пошли-ка наверх, а женщины пусть пока заварят чай.

В комнате было все так же чисто. Над кроватью висел новый портрет – Рональда Рейгана.

Кирилл достал из коробок ноутбук, блок бесперебойного питания, и маленький сканер. Пока они возились со старой машиной, Кирилл нечаянно задел CD-диск, тот зажужжал, и на экран выскочила заставка. Кирилл нажал на кнопку «play».

На экране двое солдат насиловали бабу. Баба жутко орала по-русски и по-чеченски, а когда солдаты закончили, третий, который в это время снимал, передал камеру одному из них и тоже занялся бабой. Когда он закончил, он взял железный лом и воткнул его бабе между ног.

Фильм закончился, и на экран выскочила новая заставка. Кирилл сидел, сжав руками виски, и у него не было сил поднять глаза на Алихана. Наверное, ему надо было посмотреть мальчику в глаза и что-то сказать, – черт возьми, наверняка же есть куча слов, которые можно придумать и сказать, – но Кирилл так ничего и не придумал, а молча встал и стал помогать втыкать кабели.

Они возились минут пятнадцать, и когда они сошли вниз, Кирилл уже немного отошел. Сияющая Диана, шелестя юбкой, так и бегала, расставляя еду. Шахид и Абрек сидели за столом и чинно пили чай. «Стечкины» их сверкали в новеньких рыжих кобурах. Диана успела переодеться и накрасить губы, и легкая сине-зеленая косынка едва прикрывала тяжелую волну черных волос. Кирилл вспомнил, что у пожилой женщины в фильме была похожего цвета косынка.

– Я договорился об обследовании, – сказал Кирилл, – Алихана ждут в ЦКБ. Можете полететь со мной, завтра ночью. Часов в одиннадцать.

– Разве ночью есть рейс на Москву? – спросила Диана.

Кирилл чуть покраснел.

– У «Навалис» свой самолет, – сказал Кирилл.

– Двадцать миллионов стоит самолет, – засмеялся Шахид, – Магомед-Расул хотел, чтобы ему этот самолет подарили. Его так отшили, он икал. Он плохой человек, это знают все. Зачем Кириллу Владимировичу дарить самолет Магомед-Расулу? Он подарит самолет президенту.

Алихан смотрел мимо скатерти, туда, где на сытом боку Шахида поблескивал «стечкин». Если самолет у человека стоит двадцать миллионов, сколько стоит сам человек? Они приходят к нам и убивают наших отцов, и забирают наших женщин, а потом они летают на самолетах ценой в двадцать миллионов долларов.

Ненавижу, ненавижу русских: зверские нравами, бесчеловечные делами, смерть им, а дальше ад, и пусть в этом аду одеялом им будет лава, а постелью – скорпионы.

– Так вы полетите? – спросил Кирилл.

Лицо Дианы светилось.

– Конечно, Кирилл Владимирович, – сказала она.

* * *

Алихан смотрел со второго этажа, как во дворе по машинам рассаживаются автоматчики, и как кяфир, склонившись над рукой чеченки, почтительно целует ее узкие пальцы.

В фильмах они не целовали пальцы. Алихан ни разу в жизни не смотрел порно, но он очень хорошо знал, что мужчины делают с женщинами, и он знал это из кадров, снятых русскими свиньями.

Они просто продали Диану.

Водров, конечно, держался в рамках приличия. Он мог приказать своим автоматчикам бросить ее в машину, и никто в доме даже не смог бы ничего сделать. Но он был сама галантность: он был со своим компьютером, и клиникой, и самолетом с белыми кожаными креслами, и, конечно, если Алихана повезут в Москву, кто-то из родичей должен ехать с ним, а кто? Не бабка же восьмидесяти лет? Само собой подразумевалось, что поедет Диана, и было совершенно очевидно, что это означает.

Она была готова своим телом купить здоровье для брата, и об этом узнают все, и все село будет говорить, что сестра Алихана спит с русским.

Алихан вдруг представил себе Водрова на месте того шофера, со скрученными руками, плачущего, что у него дети... Интересно, у Водрова есть дети? Ему столько, что Алихан годится ему в сыновья, в таком возрасте у человека уже куча детей, а если он богат, то и жен несколько.

От нового компьютера пахло свежим пластиком, Алихан хотел бы разбить эту вещь, но нельзя – она могла послужить делу Аллаха. Он совсем забыл позвонить по сим-карте, к тому же это и не имело значения, у Водрова было слишком много охраны и он слишком быстро уехал.

А теперь это и вовсе бессмысленно; завтра Диану увезут, и Водрову будет незачем больше ездить в село.

А сестра-то, сестра! Разрядилась, как шлюха! Алихан видел, как она летала из кухни к столу, скажи ей кяфир, так она, пожалуй, и сплясала бы у шеста!

Ярость душила мальчика. Они заберут его в Москву, и он умрет на больничной койке, как женщина. У него не хватило духу убить Водрова: даже если б он это успел, при такой охране, страшно представить, что сделали бы Кемировы с его семьей.

Нет, он не мог убить Водрова и не мог позволить сестре продать себя. У него оставался один лишь выход.

* * *

Участок за домом спускался террасами вниз, и на этих террасах росли абрикосы и груша. Сразу за грушей начиналась крыша соседнего домика, с круглой дырой наверху.

Алихан пролез в эту дыру и вышел через разломанные водой камни. За ними снова начинался крошечный сад, с террасами, сложенными из камней, и натасканного в эти террасы переносимого.

В воздухе была разлита ясная сухая осень, но до снега было еще далеко. Абрикос, росший в саду, давно опал, а другое дерево было усыпано огромными оранжевыми шарами хурмы.

В каменной кладке возле хурмы Алихан запрятал выменянный на рынке «ПМ». Он опасался, что из-за визитов Водрова дом могут обыскать. Пистолет, завернутый в промасленную ветошь, оказался на месте. Алихан проверил обойму, снял предохранитель и, сунув ствол в карман слишком большой для него куртки, вернулся обратно тем же путем в дом.

Руки его дрожали.

Крошечная прихожая открывалась сразу направо в крошечную же рассохшуюся кухню. Когда он вошел, сестра, низко склонив голову, мыла посуду. Хрустальная вода преламывалась в щербатых чашках, узкие быстрые пальцы Дианы словно танцевали в струйках воды.

– Мы никуда не едем, – сказал Алихан.

Черные волосы Дианы были перехвачены желтой косынкой в синих и красных яблоках. Длинные рукава кофты были завернуты до локтей, открывая сильные, гладкие руки.

– Не так подобает вести себя женщине, – сказал Алихан, – в дом которой пришли враги. Эти двое, Абрек и Шахид, в прошлом месяце убили человека из Тесиевых, и ты это прекрасно знаешь.

Диана повернулась, и глаза ее засверкали.

– Мы летим в Москву, – негромко сказала она, – иди наверх и прекрати говорить глупости. Если хочешь, ты полетишь в Москву один, но ты полетишь, если не хочешь, чтобы твоя бабка умерла с горя.

– Я – мужчина в семье, – спокойно сказал Алихан, – и я не лечу. Никто не летит.

Диана вдруг все поняла, и лицо ее стало белым-белым. Она охнула и поставила бывшую в ее руках чашку на вытертый пластик стола, а потом подняла руку, словно защищаясь от брата, и стала перебирать пальцами по стеночке.

Алихан шагнул вперед, сунув руку в карман.

– Алихан, не надо, – сказала сестра.

Она как будто сползала по стенке, доползла до угла и села на пол. «Они воевали, и убивали, и готовились к войне, – зазвучал в ушах Алихана голос Кирилла Водрова, – и те, кто не воевал, а жил, оказались сильнее их». Диана сидела в углу, словно кучка юбок, прикрытых пестрой косынкой, и ее лицо было некрасивым и страшным.

Мир внезапно стал медленным и очень ярким, словно его навели на резкость. Вода в тазике сверкала, дробилась на солнце, и Алихан отчетливо слышал дыхание сестры, тяжелое и хриплое, и пистолет в его кармане был тверд и холоден, как труп отца, когда его привезли домой. «Она не будет спать с русским, – сказал себе мальчик. – Никто в нашем роду не будет спать с русским». Пальцы его сжались на рукояти.

И тут раздался скрип двери. Алихан в панике сделал шаг, другой, и оказался в крошечной прихожей. На пороге ее стоял Мурад Кахаури. В темных его глазах сверкало неприкрытое любопытство, взгляд косил туда, где на кухне слабо попискивала женщина и слышался шум льющейся воды.

– Я зашел попрощаться, – сказал Мурад. – Мы сейчас уезжаем на море. Я так слышал, что ты не едешь. Что ты завтра едешь в Москву.

– Ты неправильно слышал, – сказал Алихан, – я еду с вами.
Обернулся и, не заглядывая в кухню, громко прокричал:
– Я пойду с Мурадом. Может, я переночую у них.
Сунул поглубже в карман «макаров», снял с крючка куртку и вышел.

* * *

Кирилл прилетел в республику с сэром Мартином Мэтьюзом; они провели три часа в Доме на Холме, а потом погрузились в вертолет и улетели в Баку.

Полупогружная платформа по-прежнему стояла на судоремонтном заводе; с решетчатых ферм рассыпалась фейерверком электросварка, и на нижней палубе в железном настиле, как шахматы, тянулись тридцать три квадратных люка; в одном, под сдвинутой крышкой, плескалось мутное мелководье.

Работы еще не были закончены; Заур Кемиров вполголоса обсуждал с сэром Мэтьюзом технологии горизонтального бурения и скорость проходки пласта.

Заур не просто знал, о чем он говорил: Заур получал от этого удовольствие, и глядя на его оживленное, лукавое лицо, покрытое частой ячеей морщин, Кирилл впервые осознал, как бесконечно устал этот человек от всего, что творилось вокруг: от убийств, крови, постоянных разводов, лести, бронированных машин и позолоченных пистолетов, – и, возможно, от мечетей и намазов, слишком многочисленных для человека, бывшего выпускником института им. Губкина и вынужденного стать сначала мэром города, а потом и президентом республики только затем, чтобы сохранить свой бизнес и спасти свой род.

Они шли вдоль ровных рядов стояков и серебряных сепараторов, пахло морем и сваркой, решетчатые трубы вздымались вокруг, как стартовые фермы на космодроме, и младший брат президента, худощавый, черноволосый, в черных начищенных ботинках и подведенной под горло глухой водолазке, угрюмо плелся за Зауром, засунув руки в карманы, и Кирилл шепотом давал ему пояснения.

– А это что? – спросил Джамал.

Заур услышал и обернулся.

– Срезной превентор, – ответил Заур, – у нас их будет четыре штуки, превенторов. Они перекрывают трубу, если происходит выброс. А этот, последний, ее просто срезает.

– А отчего бывает выброс?

– Ошибка бурильщика.

– А что, просто так выбросов не бывает?

Президент республики думал с полминуты, прежде чем ответить.

– Нет, – сказал Заур, – просто так не бывает ни выбросов, ни восстаний. Видишь ли, когда мы бурим, мы закачивает в скважину буровой раствор. Этот раствор делает сразу несколько вещей. Во-первых, он смазывает долото, во-вторых, он выносит с собой породу, а в-третьих, и самых главных – он давит на пласт. Ведь в пластах, которых мы проходим, давление составляет десятки и сотни атмосфер, и сила, с которой раствор давит на пласт, должна быть не ниже и не выше давления самого пласта. Если она будет выше, то мы забьем поры пласта раствором и погубим его, а если она будет ниже, то газ рванет наверх и... и все взорвется.

Заур улыбнулся каким-то своим мыслям и добавил:

– Ремесло бурильщика очень похоже на ремесло правителя.

Тут в кармане Джамала запел мобильник, возвещая время намаза, Джамалудин взглянул на солнце и ненадолго исчез, и вместе с ним исчез Хаген.

* * *

Часа через три они прилетели на место будущего завода. Рабочие закладывали заряды в стены старого цеха, за цехом бульдозеры сгребали огромный завал из свежего кирпича, в который упирались ухоженные дорожки и замолчавший навеки мраморный фонтан.

– А здесь что было? – спросил сэр Мартин, показывая на фонтан и дорожки.

Президент республики поглядел на бывший с ним генплан участка и ответил:

– Сельскохозяйственный навес.

Они ждали, пока здание будет подготовлено к взрыву, минут сорок; наконец, подрывники отошли на безопасное расстояние, разматывая шнур; грохнул аммонит. Стены сложились сами в себя, все зааплодировали, с флангов выдвинулись скошенные челюсти бульдозеров и стали терзать и сгребать распавшуюся плоть бывшего оборонного цеха.

Над заводом зажглись мощные прожекторы, затмевая всплывающий в горах полумесяц. Все проголодались на воздухе и устали, и они не поехали в резиденцию, а завалились тут же, в какой-то приморский ресторан, с шикарным интерьером и пуленепробиваемым стеклом, покрывавшим пол, под которым плавали красивые тропические мурены. Посреди стекла красовалась круглая вмятина с паутиной трещин вокруг: какой-то пьяный посетитель вздумал проверить, точно ли пуля не берет стекло, а может – охотился на мурен.

Ресторанов в Торби-кале было вообще до черта, каждая жена каждого министра имела по ресторану, (а это выходило довольно много, особенно если учесть, что жен у министра иногда было несколько), и все они отмывали деньги и были очень красивы, вот только еда была дрянная.

Возможно, это было потому, что рестораны заводили не для прибыли, а возможно, потому, что в республике так и не приохотились вкусно есть. В республике было много вещей, которых мужчины лелеяли и за которыми охотились; ни один уважающий себя горец не посмел бы выйти в люди в грязной обуви или грязном платье. Кирилл видел, как равнодушный ко всему мирскому Джамалудин тщательно оправлял рукава безупречной рубашки и брезгливо морщился, едва на гладкую, без единой морщинки куртку от Джанфранко Ферре падала случайная пылинка. Ботинки здесь были всегда начищены, машины – вымыты, и Кирилл знал людей, которые сидели дома без денег и тратили последние сто тысяч евро на новый «порше-кайенн».

Но вот к еде в республике были удивительно равнодушны, и никто не видел ничего странного в том, что у человека, отделавшего свой дом мрамором из Италии и драгоценным деревом с Ливана, жена тащит на стол какие-то галушки не галушки, макароны не макароны, – и разваренную курицу ножками вверх.

Они ввалились в ресторан изрядной толпой, сразу заняв два зала, – самые приближенные к президенту люди в одном, обтянутом синим бархатом, охрана в соседнем, и по приказу Джамалудина в зале сразу вырубил музыку, и компании, сидящие за столиками на втором этаже, тут же вытянули головы, разглядывая новоприбывших, – было довольно людно.

Им подали восхитительные курзе и дрянной советский салат, и президент компании продолжил спор с президентом республики, рисуя квадраты и цифры на белых плотных листах бумаги.

– ОК, – сказал сэр Мартин, – если вас когда-нибудь уволят с президентов, «Навалис» будет рада взять вас главным инженером.

Он был видимо доволен разговором.

Кирилл расслабился, довольный днем, чаем и компанией, и некоторое время мужчины ели под взрывы хохота из-за неплотно прикрытых дверей.

Джамалудин вышел и вскоре вернулся. Хохот затих. Кирилл откинулся на спинку широкой скамьи, блаженно прикрыв глаза. Этот вечер, эта еда и эти люди устраивали его больше, чем рассуждения двух высокооплачиваемых проституток на тему, где подают лучший сибасс.

Магомед-Расул, который весь день порывался поговорить с сэром Мартином, но не осмеливался встрять в разговор поперек старшего брата, откашлялся и перегнулся к англичанину через стол, но в это мгновение пальцы сэра Метьюза коснулись рукава Кирилла. Сэр Метьюз повернулся к Джамалудину и попросил:

– Переведи, пожалуйста. Я слышал, что власти республики проводят большую кампанию по наказанию тех, кто не так молится. Я слышал, что даже если человеку нечего предъявить с точки зрения закона, семью могут просто выселить из села.

Кирилл перевел.

Джамалудин Кемиров сидел, чуть сползая влево в кресле, и аккуратно счищая с шампура на тарелку свежий шашлык. День был четверг, в четверг Джамал всегда держал пост, но, несмотря на то, что он прикоснулся к еде и воде впервые со вчерашнего вечера, младший брат президента ел мало и равнодушно.

– Люди, – сказал Джамал, – сами отселяют этих чертей. Проводят сходы и отселяют. Я даже не появляюсь в селах.

Белые его зубы аккуратно вонзились в сочный кусок баранины.

– Но когда человека выселяют из села, и не дают ему работы, куда ему идти, кроме как в боевики?

– Это его дело, – повторил Джамалудин, – люди сами их отселяют.

– Вы слишком жестоки. Вы сами вынуждаете людей быть террористами. Нельзя наказывать человека оттого, что он просто молится.

– Кто ему мешает просто молиться? – спросил Джамалудин. – Что, я не молюсь? В городе пятьсот тридцать мечетей, они все полны народу. Переведи ему, Кирилл, – он что, всерьез думает, что тех, кто в лесах, убивают за то, что они просто молятся?

– Допустим, – сказал сэр Метьюз, – их берут за то, что они носят оружие, но ведь это смешно. Вы, господин Кемиров, носите оружие, и все ваши люди ходят с оружием, и когда мы сегодня ездили по заводу, мне в бок упирался гранатомет, хотя это была гражданская машина, и вряд ли у водителя было на это разрешение. Но вас никто не останавливает, потому что вы брат президента, а любого другого человека с оружием могут взять и объявить ваххабитом.

Джамал Кемиров отодвинул от себя тарелку и чуть наклонился к собеседнику. Черные его зрачки расширились в полутьме, казалось, заполняя всю радужку глаз.

– Три года назад, – сказал Джамал Кемиров, – четыре придурка взорвались в вашем лондонском метро. И убили тридцать восемь человек. Если я правильно помню, их никто не выселял. Это что, сэр Мэтьюз, другие террористы? Когда они взрываются у вас, они террористы и враги демократии, а когда они взрываются у нас, – тогда они жертвы режима?

– Очень часто это люди, которых загнали в угол.

– Переведи ему, Кирилл, – что он заступает за моих террористов? Пусть защищает своих собственных.

– Это нечестное сравнение, – сказал сэр Мартин, – и вы это знаете, господин Кемиров. Вы сравниваете людей, которые хотят уничтожить свободу, и людей, которые восстают потому, что в России ее нет.

Хаген, справа от Джамалудина, сидел, поигрывая обоймой на поясе, и легкая ухмылка бродила по его точеному арийскому лицу. Ташов, низко наклонив голову, рвал руками курицу. Джамалудин окончательно отодвинул от себя еду, и черные его глаза вонзились в глаза президента западной компании. Сильные гладкие пальцы Джамала неподвижно лежали на столе, затаенное в черную водолазку худое, жилистое тело чуть наклонилось вперед. Только Кирилл, который хорошо знал горца, понимал, насколько тот разъярен.

– Свобода, – сказал Джамалудин, – это наши хотят свободы? Что-то я этого никогда не замечал. Семь лет назад в моем родном городе взорвали роддом. Погибло сто семьдесят четыре человека. Из них сорок семь погибли в тот же день, что и родились. Пять лет я охотился за человеком, который это сделал. Когда я его поймал, я сказал ему: «Рай не для убийц детей! Ты отправил на тот свет сто семьдесят четырех, ты убил сорок семь детей, и как ты объяснишь Аллаху этих мусульманских детей в Судный День?» И знаешь, что он мне ответил? Он сказал: «Они стали шахидами». Этот человек хотел свободы? Или им можно убивать моих детей, и только твоих нельзя?

Сэр Метьюз молчал. Он пытался сформулировать ответ, но раньше, чем он раскрыл рот, Джамал заговорил снова:

– Эти люди не знают, что такое свобода. Эти люди не знают, что такое ислам. Эти люди не знают, что такое мои горы. Они называют моего устаза – язычником, они называют наши обычаи – ширком, они плюют на наши адаты, как они плюют на вашу свободу, и вы доиграетесь с ними, а я – нет, потому что я буду уничтожать их, как бешеных псов, раньше, чем они покусают моих овец, и мне не нужен ваш суд неверных, чтобы увидеть, пес бешеный – или нет. Позовите меня в Скотленд-Ярд, и у вас больше не взорвется ни один поезд метро.

И в эту секунду наверху грохнул выстрел. Взвизгнуло, щелкнуло, что-то сочное и влажное полетело Кириллу в лицо, он сморгнул, и когда он снова открыл глаза, он на мгновение увидел, что блюдо с шашлыком посередине стола разбито вдребезги, мясо разлетелось в разные стороны, и Заур с недоумением смотрит, как намокает рукав его рубашки в том месте, где в нее вонзился крошечный осколок фарфора.

Тут же Хаген, сидевший всех ближе к Кириллу, выдернул его, как репку, из подушек, и Кирилл покатился куда-то под пыльный топчан. Сразу же на Кирилла приземлился сэр Метьюз, сверху навалился еще кто-то и заорал:

– Лежать!

Наверху что-то верещало и билось, по лестнице на второй этаж – бум-бум – летели спецназовские берцы, дверца кабинета хлопнула так, что на Кирилла посыпалась штукатурка.

Тяжесть ослабла, и один из охранников помог Кириллу встать. Из-за соседнего дивана поднялся Заур. Кирилл был весь в паутине, и мясной сок заливал ему манишку. Охранник попытался паутину счистить, Кирилл махнул рукой и вышел из кабинетика. Сэр Метьюз последовал за ним.

Снаружи царил бардак. Вся лестница на второй этаж была забита вооруженными людьми, и когда Кирилл, растолкав их, поднялся наверх, ему представился любопытнейший натюрморт.

За широким столом, почти нависавшим над балюстрадой, а стало быть – и над кабинетом, где ужинали президент и его гости, сидела компания человек в семь. Все они были пьяны, иные – в дым. Один из сотрапезников мирно лежал на столе, похрапывая, остальные помаргивали, старательно держа руки на затылках. Разъяренные охранники тыкали им автоматы прямо в висок.

Во главе стола стоял высокий, крепкий мужик лет сорока. Он был килограмм на двадцать тяжелее Джамалудина и чуть-чуть ниже. У него были седеющие волосы, подбородок кирпичом и стеклянные глаза убийцы, и он был в дупель, в стельку пьян. Джамалудин стоял перед ним, и в руках его был щегольской иностранный «глок», из которого, вероятно, и стреляли, а над столом в бетонной оплетке потолка темнел свежий скол.

– Так я вверх стрелял, вверх! – кричал мужик, ничуть не стесненный десятком нацелившихся на него стволов.

– Куда ты вверх стрелял, когда пуля вниз пошла! – орал в ответ Джамалудин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.